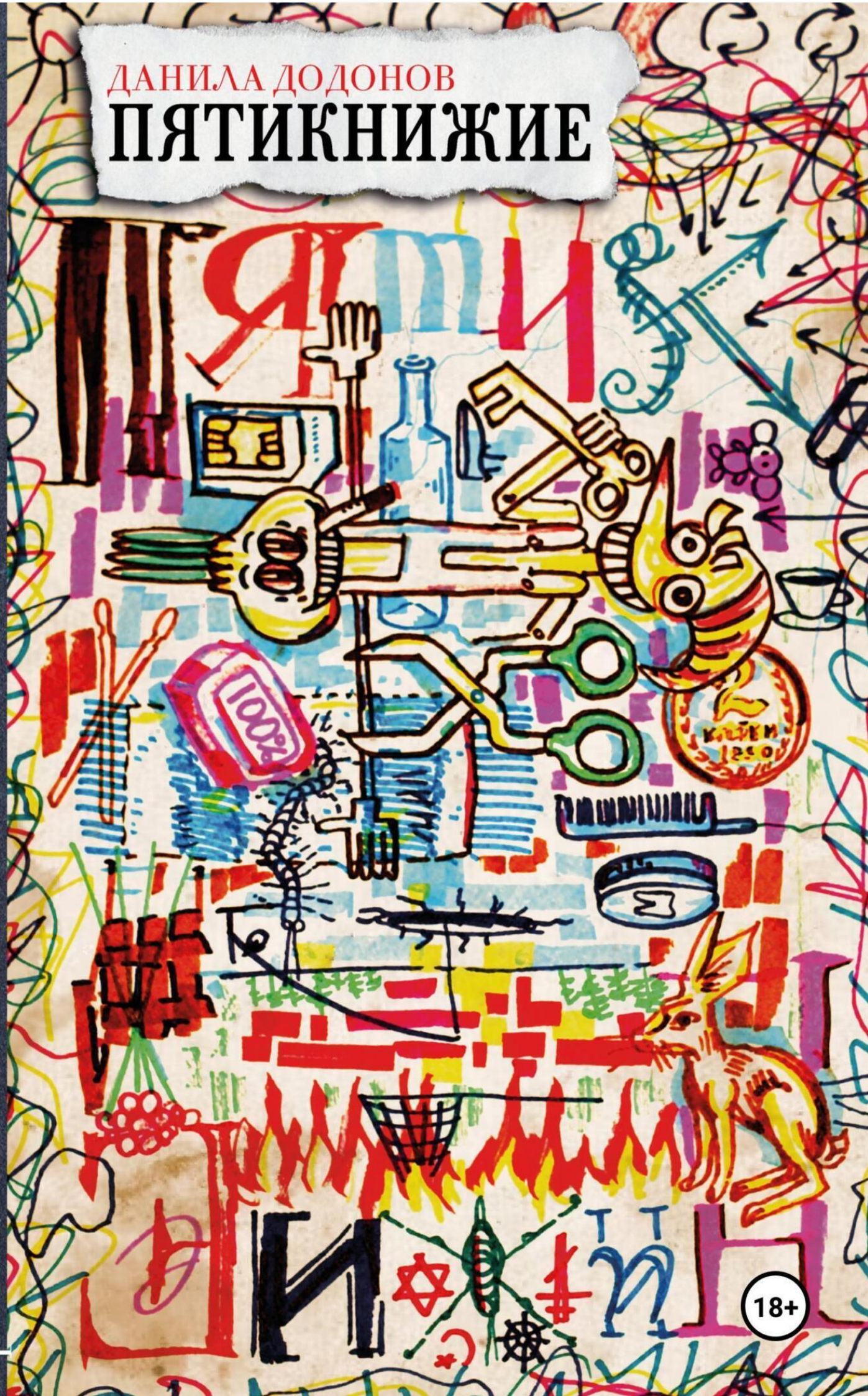

ДАНИЛА ДОДОНОВ

ПЯТИКНИЖИЕ

рассказы и повести

18+

Данила Додонов

Пятикнижие. Рассказы и повести

«Автор»

2025

Додонов Д.

Пятикнижие. Рассказы и повести / Д. Додонов — «Автор», 2025

В настоящий сборник включены три рассказа и две повести, написанные с июня по октябрь 2025 года. Цикл объединён сквозной метапрозаической структурой и онтологической неопределённостью: автор последовательно размывает границы между реальностью и вымыслом, читателем, автором и персонажем, повествованием и его объектом. В основе композиции лежит игра с жанровыми и повествовательными конвенциями: традиционные формы — рассказ, новелла, драматический фрагмент — подвергаются радикальной деформации, наполняясь элементами сюрреализма, абсурдизма и постмодернистской игры. Тексты насыщены плотной символикой, фольклорными и сказочными аллюзиями, переосмысленными в контексте современной городской среды, а также философскими размышлениями о природе языка, власти, религии, искусства и человеческого сознания.

© Додонов Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Встреча	5
Прятки с ножницами	7
Денежки	12
Антипредательская молодость	24
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Данила Додонов

Пятикнижие. Рассказы и повести

Встреча

Ранняя осень казалась им двоим приятным обстоятельством. Шуршат под ногами жёлтые естественные поглотители солнечного света. Вот, кажется, и то самое место. Юбка Кристины приняла форму лавочки, на которую та села, а именно – из буквы “Л” превратилась скорее в подобие буквы “Г”. Могучие сосны и их подростки приятно пахли детством. А у Олега этот запах ассоциировался с летними поездками на Алтай, где он, бывало, гулял по горам с палками для скандинавской ходьбы. У девушки зачесалась пятка, но Олегу она об этом не сказала, а вместо этого дождалась, когда тот уставится на восточный выход из парка, и в этот самый момент сняла бирюзовую туфлю, вытряхнула из неё песок и иголки и потёрла пяткой о мелкий гравий. Надела обратно так же непринуждённо, как корова даёт молоко, её сосед как бы и вида не подал, хотя и понял, что произошло, но был достаточно тактичен, чтобы не заметить. И всё же воспоминания об Алтае натолкнули его на мысль об их с Кристиной общем знакомом с института.

– Рассказ “Встреча” повествует о двух молодых, как, – обратился он вдруг к соседке.

– Мы с вами, людях, а именно – Кристине? – несколько замешкалась она. – И Олеге. Эти двое, сидя на лавочке в городском парке культуры и отдыха, оживлённо?

Тот усмехнулся. Не вспомнить такого человека, как Владислав, казалось ему абсурдно трудной задачей. Однако, если учесть, сколько они не общались – а это около лет пяти – она ведь и вправду могла забыть. Человеческая память – вместилище ненадёжное. Пожалуй, можно сослаться на это.

– Беседуют о судьбе их общего знакомого Владислава, который какое-то время назад устроился на работу в строительную контору, после, – последовательно продолжал Олег, – чего прекратил общение с ними. Развязка...

– Прозаичнее некуда: Владислав выходит из кустов прямо! – вдруг прояснился разум Кристины. – Перед ними, держа в руках.

– Букет цветов, чем? – сказал Олег и несколько смутился. Ему раньше казалось, что эта история с конторой ему приснилась, но теперь, когда об этом заговорила его девушка, он понял, что обозначенная ситуация с трудоустройством действительно имела место.

– Ни на шутку сперва пугает пару, а затем все радуются, – успокоила его Кристина. – Встрече. Хотя рассказ.

И действительно, странное дело, что с белокурым пропала связь. С одной стороны – не так близко дружили, он и сам мог заработать на вахте в этой глухомани, с другой – может, случилось что-то нехорошее? Всё-таки, нельзя же так надолго разрывать связь. Кристина прокрутила самые негативные варианты в голове, как-то заволновалась и было видно, что на её лбу выступили капельки пота.

– Не обладает сложным сюжетом, а скорее.

– Представляет собой несколько казусный и малореалистичный отрывок из жизни некоторой традиционной, – Олег пересел поудобнее и нежно положил руку на плечо Кристины, – пары, его особенностью является структура повествования. А.

– Именно, читатель в какой-то момент осознаёт, что на первый взгляд бессмысленные.

Неожиданно в кустах напротив послышался шорох. Девушка по-мышинному чуть вздрогнула, прижала от неожиданности колени друг к другу. Взгляд Олега тоже устремился прямо в эти самые лиловые кусты. Оттуда немедленно вышла знакомая обоим фигура.

– Изречения героев являются на самом деле пересказом самого! – потрясённо произнесла Кристина.

– Рассказа, включая описание его? – не скрывал удивления Олег.

Владислав вытащил из-за спины пышный букет ромашек и вручил его улыбающейся девушке. Олег знал коллегу давно, даже больше, чем Кристину, поэтому никакой ревности по поводу неожиданного подарка не испытал.

– Особенности. То есть, когда любой из героев говорит, их реплики последовательно, – наконец поздоровался он со старыми друзьями. – Складываются в отдельное, внешнее повествование о рассказе в целом.

Все обнялись, посмеялись, а затем неспешно поплели к выходу. Букет ронял редкие разноцветные лепестки, оставляя за друзьями романтический след. Вечерело.

Прятки с ножницами

Я спрашиваю у вас: “Вы когда-нибудь играли в прятки?”. Вы мне, положим, отвечаете: “Разумеется, как и всякий сорванец. Что за глупый вопрос?”. А я вам: “А играли ли вы в прятки с ножницами?”. Вы озадачитесь и, вероятно, почешете затылок своими грязными ногтями. Потом скажете: “Нет, кажется, не играли. А как это – с ножницами – и в прятки?”. Я улыбнусь вам и положу руку на плечо. Этот жест вам сперва покажется странным, но через пару секунд вы к этому привыкните. Вы не будете понимать мой взгляд, потому что прежде я на вас так не смотрел ни разу в жизни. Я бы не сказал, что вы знаете меня давно, но всё же. Вы в один момент даже решите, что я педераст, а потом почти сразу отгоните от себя эту противную мысль, потому что всё-таки знакомы со мной давно и ни в чём подобном меня не замечали. А я всё ещё пристально на вас смотрю и странно улыбаюсь. Знаете, есть такое понятие: улыбка во всю ширь. Вы осмеливаетесь спросить: “И всё-таки, что это за прятки такие – с ножницами?”. И тут я, конечно, убираю руку с вашего плеча и сажусь в мягкое кресло бордового цвета, такое же бордовое, как, положим, мои глаза. Вы тоже садитесь в кресло, но ваше кресло другого цвета – тёмно-зелёного, как ящерица. Мы вместе закуриваем трубку. Да, вы хотели сперва отказаться, но я очень настаивал, и отказываться далее вам показалось неудобно. А вы ведь не хотите создавать мне неудобство? Дым неприятно пощипывал вам глаза, но вы курили, а я – что я? Я не сводил с вас глаз. Вы догадались, что дверь за вами заперта, и бежать уже бессмысленно.

– Прятки с ножницами. Да... Было время. Не печалит меня, что оно прошло. Всё проходит, и прятки с ножницами – уж давно.

– Вы всё загадками и притчами меня обносите, а главного не говорите.

– Пожалуй. Прятки с ножницами – вам это удивительно? Так уж прямо и удивительно?

– Э-э... Нет, скорее – непонятно. Но у меня есть предположения.

– Прошу.

– Что ж, два варианта. Первый: один человек прячет ножницы, а остальные их ищут. Второй: ножницы идут в ход как наказание. Скажем, плохо спрятался – тебе этими ножницами чего-нибудь оттапали.

– Оригинально. А ещё?

– Ну, что ещё? Может, ножницы просто присутствуют. То бишь, прятки у вас были самые обыкновенные, просто рядом, скажем, на дубовом столе, лежали канцелярские ножницы. На игровой процесс не влияли, а вот на название – да.

– Ха-ха-ха! – я рассмеялся. – Вы большой оригинал. По крайней мере, были им в свои лучшие годы. Не удивляйтесь сильно, что мне это известно. Хотя вам и кажется, что мы знакомы с вами буквально пару минут, на деле – вы знаете меня столетия, хотя и под разными именами. Ладно, не буду вас больше мучить. Прятки с ножницами – это... это дело несколько иного толка.

Я налил вам водки. Знаете, почему я это сделал? Потому что без водки вам было бы тяжело переварить дальнейший мой рассказ. Вы выпили этой водки и даже не поморщились. Неужели вы алкоголик до такой степени, что не морщитесь от водки? Безумие! А, хотя, стойте. Может, и нет. Вы, наверно, просто из приличия не поморщились от моей противной водки. А я ведь знаю, что она противная. Я туда подливаю опасные химикаты время от времени, разумеется, она противная. А вы не поморщились.

– Хорошая водка?

– Хорошая, хорошая, – произносите вы вполголоса и отворачиваете свои карие глаза в сторону, из-за чего ясно, что вы мне врете.

– Зачем же вы мне врёте?

– Я! Вам! Да вы что! – и говорите вы это ещё более очевидным образом, что врёте. Вы ещё и начали потеть.

– Ну в самом деле. Я вас читаю, как открытую книгу!

– Хорошая водка, пил бы с удовольствием до самой что ни на есть!!! – тут вы хватаете графин и начинаете, морщась, пить с горла.

– А ну прекратите!

– ...

– Оставьте графин, кому я сказал!

– ...

– Ну это уже переходит всякую грань.

– Всё. Видите?

– Вижу, что вы поступили как болван.

– Господи, да думайте обо мне что вам угодно! Водка была самая обыкновенная. Рассказывайте про свои прятки. Хоть с ножницами, хоть с любыми другими канцелярскими приборами. Всё вытерплю.

– Но вам ведь станет плохо вот-вот.

– Дудки!

– Ну, дело ваше. Тогда слушайте.

День был посредственный. Среда. Мне лет двенадцать от роду, только вышел из дому. Рядом – лес, речка, раздолье. Всякое в таком духе. Удивительной красоты была деревенька наша, ныне – село, но это неважно. Ах, деревня Белая! Сколько слов, сколько выражений, сколько фразеологизмов и прибауток ты породила! Место, где так ярко произрастает чёрный хлеб! Родинушка моя малая. Выйдешь, бывает, на речку Белушку, в лесочке побегаешь, насобираешь мухоморов, чтоб покидаться ими в соседских девчонок, а то и чай с них сварить и галлюцинировать до самого вечера – хорошо! И ничего, понимаешь, не надо другого. А было мне лет двенадцать, как я и говорил, и были у меня ещё со школы ножницы. Сами по себе ножницы вообще никакой роли не играли, но вот, что я запомнил отчётливо: лезвия ножниц были сделаны из нержавеющей стали, а ручки-кольца – из пластмассы зелёного цвета. Зелёный и нынче мой любимый цвет, потому что напоминает мне о том странном случае.

Жил я в тот период в этой деревеньке без сверстников-мальчишек, а потому бывало мне скучно. Бабушка да мама – ну что за компания в двенадцать лет? А ножницы мне эти были как-то более родственны что ли, они меня намного лучше понимали. Ножницы с прогулки домой не загонят, это точно! А вообще – ножницы вещь полезная.

Был у нас на селе старик, все его так и звали – дед Миша. Он меня постоянно поучал: “Вот, мол, набегаешься с ножницами своими, упадёшь – порежешься – заразу занесёшь какую-нить – все конечности тебе ампутируют к хренам собачьим!”. Эти слова его я запомнил как Иисусову молитву. Я тогда подумал: “А действительно, на хрен я с этими ножницами всё таскаюсь?”. И вот, наступает роковой день. Седьмое января. Ножницы я выкидываю в прорубь с детской надеждой, что я их больше не увижу. Надежда была действительно детская. А случилось вот что.

Лет через десять после этих событий, на закате своего студенчества, работал я в некой подмосковной забегаловке. Зашёл к нам тогда один хер, я так понял – таксономист, или что-то в этом роде. Подхожу к нему, сую меню. Он на него даже и не глянул, всё на меня смотрел, и тут как скажет: “Что у вас есть в наличии?”. Вот ведь, думаю, вредная морда попалась! И решаю над ним подшутить, говорю, мол, есть у нас царство, тип, класс, отряд, семейство, род, вид. Говорю, мол, чего вам? Он, видно, только последнее запомнил, дурень: “Подайте-ка мне, любезный, вид”. Я кивнул, но виду не подавал. Вместо этого принёс ему тоненькую металлическую пластину, примерно полметра на полметра. Кладу ему на стол. У него аж пенсне на пол

свалилось. Говорит: “Это что ещё такое?”. Я ему, улыбаясь по-своему: “Вид”. Он: “Вид чего?”. Я: “А вы не уточняли”. Шутка удалась.

– И при чём же тут ножницы?

– Ну как! При том.

Я потом из этой самой пластинки изготовил себе на станке с ЧПУ замечательные ножницы. Точно такие же, какие у меня в детстве были. Вот, думаю: эти ножницы со мной теперь навечно. А про те, что в прорубь ненароком упали, я уж и позабыл.

Вам интересно, что я делал с этими ножницами. Я играл с ними в прятки. Но, важно заметить, несмотря на то, что в названии игры есть слово “прятки”, фактически это были не прятки, а скорее шашки или шахматы, или догонялки, если вам угодно. То есть игра, подразумевающая двух или более игроков (в прятки можно играть и одному).

– И кем же, – спросили вы, – были эти игроки? Неужели, это были вы и ножницы?

– Нет, ни в коем случае. Думаете, почему я вас позвал?

– Почему?

– Потому что я играл с вами!

– Со мной!?

– Конечно же с вами! Вспо-ми-най-те!

И вы, разумеется, начинаете вспоминать свои прошлые жизни.

В одной из прошлых своих жизней вы были – не поверите – ножницами. Теми самыми, что я в прорубь когда-то давно утопил. И я вам сейчас расскажу, как вы сами с собой играли в прятки.

Сейчас всё будет.

Фактически я не назову данную игру сложной или чересчур простой, в то же время она для меня является чем-то вроде памятника беззаботному детству. Прятки и детство – вот по-настоящему связанные понятия. Ведь кто из нас, будучи сорванцом, не играл в пряточки? Каждый из нас играл, хотя бы разок. Я теперь буду выступать в роли наблюдателя. С высоты своего неба, я буду наблюдать за вами, как вы в них будете играть. Я не буду давать вам подсказок, ведь, вспомните, в детстве у вас подсказок не было. Что же, игра начнётся вот-вот. Какие у вас ощущения?

– А что я делать-то должен? – вдруг спрашиваете вы. Ведь вам ещё неясно.

– Сейчас вы всё поймёте. Только расскажите свои ощущения.

– Ощущения не из приятных. Как будто состояние моего тела меняется.

– Да, всё правильно, это именно то, что вы должны чувствовать. Скажите, а что вы видите?

– На удивление, ничего. Как будто бы туман, – замечаете вы.

– Хорошо.

Вот, проходит минута, затем две. Ваш мозг переживает ощущения необычные и незапланированные. Ваши органы будто отправляются в полёт на планере или заплыв на байдарке. Всё тихо и спокойно, но как будто бы и нет. Окружающее пространство искажается, и среди шума вдруг начинают проявляться знакомые вам ощущения. Вы видите зимний лесок, видите, как в небе появляются облака. Начинаете различать отдельные деревья в общем пятне. Протираете глаза, смотрите на свои руки. Их теперь тоже видно. Смотрите снова вперёд. Перед вами в воздухе материализуется надпись: “ПРЯТКИ С НОЖНИЦАМИ”

– Как это? – не верите вы своим глазам. – Надпись не может появиться в воздухе!

– А вы к ней прикоснитесь, – доносится мой голос откуда-то с неба, хотя вы меня и не видите.

Вы поступаете, как сказано. Вы аккуратно приближаетесь к надписи. Неловко прикасаетесь к буквам. Они как будто бы на жидкие гвозди прилеплены к воздуху. Вы хватаетесь за них сильнее, пытаетесь от воздуха оторвать – не отрываются.

– А как вы это сделали?
– Помните палёную водку, которую вы выпили?
– Разумеется. Но... Минуточку.
– Не следовало так сильно на неё напирать. Чем больше её выпьешь, тем дольше продлится игра.
– Вы хотите сказать, что буквы – плод моего воображения?
– Не совсем. Мир, в котором вы очутились, работает несколько иначе. Не забывайте, что это игра.

– Ну да, конечно. Какая же это игра? – вы снова трогаете буквы, повисшие в воздухе.
– Самая обыкновенная. С которой мы и начали наше знакомство. Оглядитесь.
Вы оглядываетесь вокруг. Классический русский зимний пейзаж в какой-то глуши. Вы находитесь вроде в заснеженном поле. Время вечернее. Совершенно чётко вдали виден хвойный лес, вроде, даже запах хвои доносится, и запах этот напоминает вам о детстве. Что удивляет вас больше всего – на вас лёгкая летняя одежда, при этом вам совсем не холодно. Снег, по которому вы шагаете, мягкий, воздушный и совсем не холодный, а даже тёплый. Вы набираете такого снега в пригоршню – и он не тает.

– Натурально, – говорите вы.
– Вы не увидели пока самого главного. Развернитесь на юг и прошагайте примерно метров пятьсот.

Услышав команду, вы пошли в обозначенном направлении. Без каких-либо ориентиров вам удалось выявить направление на юг на удивление точно. И вот, вы шагаете, тёплый снег под ногами хрустит. Вы восхищены красотой вокруг. Не спеша вы идёте по снежному полю около восьми минут.

И тут вы натываетесь.

У вас округляются глаза.

– О нет, только не говорите мне!... – начинаете отворачиваться вы.

– К сожалению, такие правила.

Да, вы увидели перед собой прорубь. И вы начинаете постепенно понимать, в чём же смысл прятка с ножницами. Вы начинаете понимать, что я вас не выпущу, пока вы не спуститесь в эту прорубь и не достанете мне эти сраные зелёные ножницы.

Стол, стул.

Скатерть, кровать.

Стоят, лежат.

В роще зелёной,

Что оказалась на глубине

Проруби.

В этот момент мы меняемся местами. Можно сказать, это такая игра: сначала я вас посылал, теперь вы меня. И теперь вы наблюдаете, а я спускаюсь.

Итак, я в глубокой проруби.

Всё моё тело покрылось с головы до ног миниатюрными наростами, называемыми попросту цыпками. Зубы застучали, забренчали музыкальнейше, как балалайка. Шарообразные отростки моего разума, которыми я познаю окружающее, закатились, что вам видно лишь их бело-красную часть, а чёрно-карей вы не видите. Ничего особенно удивительного в такой реакции организма, когда его погружают в ледяную глыбу. Всё вокруг кажется каким-то незнакомым и меланхоличным. И голубым, как оконная рама. Кроме, разумеется, зелёной роши, которая сквозь плотный слой воды виднеется вдали, выступая мне миражом. И в этом мираже

я вижу... Впрочем, вы и сами видите, ведь вы теперь хозяин чужой игры. Выбирайте. Я здесь, уже в роще, в проруби.

Вы делаете выбор в пользу того, чтобы я всё-таки искал названный ранее артефакт. Хорошо. Я вглядываюсь сквозь мутную воду и медленно продолжаю спускаться вниз. Под собой я наблюдаю свечение неизвестного мне толка, желтоватого оттенка и как будто бы с запахом лемонграсса. Деревенский запах. Кстати, я обратил только сейчас внимание, что вы обладаете неплохим, здоровым телом! Пребывать в нём для меня большое удовольствие. Но пускай так. Я почти касаюсь роши. Вода плавно пропадает и я чувствую, что дышу уже полной грудью, а не воображаемыми жабрами.

Я шагаю по роще, вы наблюдаете за мной сверху. Роща выглядит замечательно (ничего удивительного, я не мог придумать хуже), особенно меня воодушевляют птицы без лиц, порхание которых не отличишь от пения. Каждый мой шаг по искусственной зелёной траве отзывается колокольным звоном где-то вдаль. Я внимательно смотрю под ноги. Оглядываюсь. Наклоняюсь. Вы думаете: чего это я склонился? А ничего удивительного: я их нашёл. Нашёл, родненькие, перевязал красной ленточкой, чтоб если выпадут, было легко найти в зелёной траве, и сложил в левый карман. Вы мной довольны? Вы издадите голос с неба?

Но вы не издаёте голос с неба. Напротив, вы молчите, и всё, что я слышу, это церковный колокол и порхание, сравнимое с пением птиц без лиц. Тогда что же остаётся мне? Использовать ножницы по их истинному назначению?

Страшно представить. Я ведь никогда такого не делал прежде. Я достал ножницы из кармана. Развернул их лезвиями к себе. Мысленно попрощался с вами. Прощайте. И вонзил. Но... Что такое? Как только ножницы вошли в мою грудь, они тут же куда-то испарились, а вместо голубого неба проруби, прежде окружавшего меня, возникли до боли знакомые мне стены. Может, ножницы выпали у меня из рук? Я начал судорожно шарить ладонями вокруг себя, но на кровати их почему-то не оказалось.

Денежки

Всякий раз, когда вы суёте руку в карман, в нём оказываются (или нет) деньги. Может быть, вы предпочитаете носить деньги железные. Может, у вас там лежат мятые бумажные купюры. Но, что более вероятно, в кармане вы найдёте либо пластмассовую карточку, либо мобильный телефон, который с не таких давних пор стал довольно распространённым средством оплаты. Но знаете ли вы, мои уважаемые и милые, что конкретно случается в мире нашем материально-духовном, когда вы “платите смартфоном”?

Внутри каждого телефона, даже самого старого, живут Денежки. Это такие маленькие человечки, духи денег. Такие маленькие, что, мол, под микроскопом и не разглядишь. Но так было не всегда. Если вы помните времена старые, в телефонный аппарат нужно было погрузить две копейки, и тогда он приходил в действие. Так вот, Денежка жила в каждой такой двухкопеечной монете. Монета в две копейки была как бы телом, вместилищем для сущности Денежки, а её номинал, как вы уже наверняка догадались, имел значение символическое, выражал дуальность Денежки: её чувства и разум, душу и дух, атман и брахман, инь и янь. Две копейки – две стороны одной медали.

Дуальность сущности Денежки осталась и ныне, но теперь они обитают не в монетах, а прямо в телефоне. Когда вы “пополняете счёт” через приложение любимого банка, Денежки по энергетическим потокам перемещаются с вашей банковской карты – их обиталища в дотелефонный период жизни – на вашу сим-карту, прямо в телефон – и с этого момента у них начинается телефонный период. Денежки проходят долгий путь перед тем, как попасть в сим-карту, поэтому для них это событие значимое, в честь него они устраивают праздники с жертвоприношениями (а вы думаете, почему иногда у вас ни с того ни с сего пропадают деньги со счёта?), веселятся, пьют энергетические потоки... И всё это до тех пор, пока вы не решитесь позвонить. Когда вы звоните по телефону и ваши “минуты” на счёте сгорают, сгорают и жизни Денежек. Они недолго мучаются, а затем испускают свой дух, завывают, кричат, и хор этих тысяч голосов превращается для нас, людей, в голос абонента, который вы и слышите в трубке, ни о чём не подозревая. Жизнь Денежек заканчивается именно так.

Итак, я должен вам признаться. Всё, что вы сейчас прочитали – я не писал. Я вообще не имею никакого отношения к этому тексту. Он сам появился, когда я одним сентябрьским утром открыл “Ворд”. Из прочитанного я подозреваю, что его написали Денежки. А вот, что они ещё написали:

1.

– Дедушка, да выкини ты своё говно чёрно-белое! – ругался на старика студент Дима. – Ну в самом деле, двадцать первый век на носу, а ты всё таскаешься!

– Дима, не ругайся на деда, – мать его Римма мыла посуду и поглядывала на обоих. Дед молчал.

– Ну в самом деле, – Дима всё с укором глядел на деда, – дед, ты сдурел этой кнопочной фиготенью пользоваться в наш век, когда у нас даже государственный приоритет – цифровизация?

Тут встал из-за стола дед и начал резать хлеб.

– Знаешь, что я тебе скажу, – начал он, – я проработал пятьдесят лет кассиром, и вот что тебе скажу: деньги любят счёт. Но более всего они любят кнопочные телефоны.

– Ты чё несёшь, старый мудака? – засмеялся Дима.

– Не ругайся на деда! – хлопнула Диму по затылку мать.

– Вы, молодые, никогда этого не поймёте, – продолжил старик. – Вы и не догадываетесь, наверно, когда звоните со своих современных мобильных, каково приходится Денежкам на ваших балансах. Нехорошо им в ваших лопато-телефонах.

– Дед, ну ты вообще идиотией страдаешь! Как тебя не сдали в дурацкий дом? Мам, ну ты послушай, чего он мелет, как белены объелся, собака!

– Прекрати ругать старого деда, – тихонько заплакала мать.

Дед порезал хлеб. Один ломоть он оставил себе. Остальные начал засовывать под крышку своего старого телефона. Дима и рыдающая мать в этот момент ушли с кухни.

2.

Храм Большой Денежки. Пару месяцев назад завершилась Вторая Кабельная, и двухкопеечный Артём сидел и нюхал табак где-то в углу, дожидаясь окончания мессы. Ему хотелось о чём-то спросить пресвитера. Тем временем, все Денежки, как единый организм, поклонялись истукану в самом центре храма. Истукан был отлит из бронзы и представлял собой тоже Денежку, но большую, раза в два больше обычной. Прихожане были благодарны, что Большая Денежка сохранила их жизни в этой войне, хотя и не всем. Но те, кто испустил дух и смотрели с небес, имели другую надежду: за них их родственники ставили свечи. Денежка умирает дважды: первый раз, когда выпускает дух, а второй – когда последний раз произносят её имя.

Когда действо прошло и все начали понемногу расходиться по домам, Артём подошёл к пресвитеру – бородатому Денежке в рясе по имени Серафим.

– Скажите, отец Серафим, – начал шептать Артём, – а это правда, что Вторую Кабельную выиграла коммунисты?

– На всё воля Большой Денежки, – загадочно отвечал отец Серафим.

– Но они же нас ненавидят? Даже обещают нас смести с лица Сим-Карты!

– На всё воля Большой Денежки, – вновь загадочно отвечал отец Серафим.

Артём устремил взгляд в небо храма и о чём-то задумался.

3.

Третьеклассник Руслан шагал со школы и насвистывал мелодию из любимой компьютерной игры. Мелодия эта так глубоко запала в его душу, что, казалось, он её уже не забудет до самой смерти. И вот, он скакал вприпрыжку домой, как вдруг его внимание зацепила какая-то блестящая штучка на земле. Руслан подошёл поближе и пригляделся. Эта была советская монета номиналом в две копейки. Он огляделся. Вокруг никого не было. Тогда он поднял монетку, сунул в задний карман брюк и поскакал дальше.

Денежка от таких резких движений пробудилась и подумала: “Что происходит? Кто меня схватил? Почему здесь так темно? Неужели, я наконец в телефоне?”

4.

– Лёш, закинь мне денег на телефон?

– А чего, опять проболталась?

– Да ты прикинь, с мамой два часа проговорила... А у меня минут под конец месяца...

– Ну ясно. Ща закину.

– Спасибо большое.

[...]

– Слушай, Лёш...

– Ну чего? Я ж закинул!

– Да вижу, вижу, что закинул! Спасибо тебе большое.
– Ну и спи уже давай. Завтра в шесть утра выезжаем, ещё не выспаться не хватало.
– Да, ты прав... Но...
– Ну скорее говори!
– У меня... это... Мне кажется, что когда ты денег на телефон закинул, я в тишине услышала, довольно отчётливо причём услышала, будто бы оттуда, из телефона, кто-то как бы засмеялся...
– Засмеялся?
– Ну да. И голосом таким... Как бы хором. Не один голос был.
– Да это ты наверно с мамой разговаривала своей, и трубку положить забыла. А она там “Аншлаг” смотрит. Вот ты зрительский смех и слышишь!
– Ну Лёша! Ну в самом деле! Я же серьёзно говорю.
– Я тебе тоже серьёзно говорю. Спи давай.
Лёша отвернулся к стенке и почти сразу уснул. Марина уснула немного позже, потому что её голову посещали мысли.

5.

Алло. Да, я. Слушаю. Что? Че-го-о? Неужели, вы хотите спросить меня, ЧТО я знаю про деньги? Мне кажется, вы на самом деле преследуете другую цель, а именно – спросить у меня, что Я знаю про деньги, или же что я знаю ПРО деньги, или же что я знаю про ДЕНЬГИ. Но никак не ЧТО я знаю про деньги. Вам это неинтересно и не пытайтесь меня убедить в обратном! Что? Вы не переубеждаетесь? И чего? Ладно, хрен с вами, я перезвоню.

6.

– Денежки, дорогие мои, живут в двухкопеечных монетах.
– Альберт Альбертович, а по-вашему сами монеты – это не денежки?
– Ну что ты, Семён. Не говори чепухи. Скажи, человеческая душа – это человеческое тело?
– Думаю, нет.
– Ну и зачем тогда задаёшь такие глупые вопросы? Сядь, ещё десять минут до конца пары.

7.

Внутри энергетического потока. Гриша и Миша, денежки, в процессе полёта.
Г р и ш а. Миша, как думаешь, мы с тобой сгорим?
М и ш а. А как же. Прадед мой горел, дед мой горел, отец мой давеча тоже сгорел. И я сгорю.
Г р и ш а. Но, может, есть какая-то альтернатива?
М и ш а. Пожалуй, нет.
Г р и ш а. Миш, а вот ты как считаешь: мы – денежки, и минуты – одно и то же?
М и ш а. Суть разное.
Г р и ш а. А почему?
М и ш а. Ну как же... Ну... Знаешь, минуты не могут жить вне сим-карты. А мы можем, скажем, находиться в купюре, или в монете...
Г р и ш а. Разумный ответ. Ба...

8.

Потёмки. Входит слабо освещённый Инкогнито, разговаривая как бы сам с собой.

И н к о г н и т о. Недолго мне блуждать по этим потёмкам.

Инкогнито бродит по сцене, как будто в поисках чего-то. Заглядывает под каждый угол.

И н к о г н и т о. Где же ты, моя любимая? Где же ты, моя родимая, душа моя? Ну куда же ты ускакала из нашей доброй избы в таком нехарактерном для себя образе? Изольда! Отзовись же! Как я буду без тебя!?

Инкогнито уходит. Завывает метель.

Новая сцена: сельская харчевня “У заставы”. За столом сидят крестьяне Прохор, Станислав и Денис. На столе пустая штофка, рядом – полная, миска с солёными огурцами и чёрный хлеб.

П р о х о р. *(выдерживает паузу, тяжело вздыхает)* Эхма... Ну что, мужики. Отбарабанил я.

С т а н и с л а в. *(медленно, без интереса поворачивается к нему)* Чего-й то ты отбарабанил? Где ты барабан-то ухватил?

П р о х о р. Ну эй-то я так. Иносказательно. Аллегорически, что ли, как барин наш. Отбарабанил я этого самого-то...

С т а н и с л а в. Кого?!

П р о х о р. Да никого, тьфу ты! На барской пашне я отбарабанил. Заработался, бишь.

Д е н и с. *(глядя на штофку)* Ой, не удивил. Как будто бы ты во сём един.

С т а н и с л а в. Энто да.

П р о х о р. Спина, мать её, как буй-то колотом колочена.

С т а н и с л а в. Небось, урядник изново подгонят?

П р о х о р. Ну а как же, пёс сучий, подгонят как есть! Лукьяныч. Всё похаживал, как поводырь, цельный день, кнутом стегал, чтоб пусто ему было. Ладно хоть занпларта б хоть какая-никакая... А нашему мужику занпларта – шиш.

С т а н и с л а в. *(наливает всем по стопке)* Ну а ты чего, братец, ещё хотел? Такая нам от Бога доля. У ярыг этих, будь они проклятые, одна радость – мужика изводить. Мне, понимаешь, на той неделе-то за подорожную взыскал пятнадцать копеек, чертюга! Пятнадцать, едрить его в самое тошнее место! Ладно бы хоть пять.

Д е н и с. Это ещё ладно, пятнадцать. Ты главно скажи, за что.

С т а н и с л а в. Будешь хохотать, Дениска. Зальёшься самым что ни на есть. Говорит, печать неясная.

Д е н и с. Ну да?

С т а н и с л а в. Вот тебе и да ну! Печать, мол, ему. А я ему и, мол, где её, печать-то, в нашей глухомани ясную взять? Все пьяные писари в земстве уж какое лето...

П р о х о р. И он-то тебе за это само дело.

С т а н и с л а в. Ну, да ладно, хресь Господень...

Все выпивают, крикают, заедают огурцом.

Д е н и с. А я, братцы, дело тако. Нонче в городе бывает. Слух там промеж народа бродит.

С т а н и с л а в. Какой, ну-ка-сь?

Д е н и с. Говорят, мол, опять царь-батюшка с германцем поругался. В газетах так и пишут: война.

П р о х о р. *(отмахивается)* Тьфу ты, ё-моё! Не уж то опять?

Д е н и с. Опять, опять.

Прохор. Вот так оно и бывает. Наш-то брат всегда крайний выходит: мужика в солдаты бреют, а скотину – в обоз.

Станислав. Слово ты интересное сказал. Обоз... Чегой-то оно мне напоминает.

Прохор. Хер с ним, с обозом. Помните, помните как с японцем-то было? Много ли назад-то лет? Ну, думаю, не живётся им по-спокойному.

Денис. Я на энтот счёт думаю так: их бы запрячь бы, германца, японца, *(переходит на шёпот)* да царя-батюшку землицу-то пасти, может, и зажилося бы мужику-то... Поспокойней, что ли...

Прохор. *(испуганно)* Да ты чего, белены объелся, дурной!? Окстись! Христос с тобой!

Станислав. Ладно тебе, Прохор. Не с дуру он сказал, а от нужды.

Прохор. Нехорошо всё равно.

Небольшая пауза. Все смотрят в стол.

Станислав. *(задумчиво)* А мне вот недавно кум с Поволжья писал – там, говорит, и вовсе голодуха страшная. На лебеде и сидят, хлебушку-то нету. Говорит, на муку расценки – страсть Господняя! А нашинский-то помещик, Свищов, вовсе как зверь оборотился. Оброк задрал, говорит, на войну надь.

Прохор. Положим, и надо?

Станислав. А ни хрена! Мужики знаешь, что говорят?

Прохор. Ну?

Станислав. В Ниццу с барыней укатил!

Денис. Вот же козлина-то бородастая, а! Каков! *(усмехается)* Я вам, братцы, так скажу: это от того, что бунтуем мало. Озорные-то, знаете, как поют: “Душите помещиков, режьте офицеров!”

Прохор. *(испуганно)* Да окстись ты, Дениска! И у стен уши бывают.

Денис. А как по другому-то? Сил моих больше нету!

Прохор. Всему есть мера. Ты язык-то свой балобольный поукороти. Вот донесёт на тебя какая-нить сволочь поганая, допустим и Стахей...

Станислав. *(возмущённо)* Ни хрена себе! Это чего-й то – сразу Стахей? Давно с кулаком не лобызался, а?

Прохор. Ладно, пушай. Хотя бы и не Стахей. Но мало ли чертей на земле русской, в остроге так и сгниёшь, за милу душеньку. А то и в Сибирь угодишь.

Станислав. Мужики, нам впору бы выпить. Выпьем и... про дела хоть забудем.

Откуда-то звенит колокольчик. Все озираются по сторонам.

Станислав. Мужики, чего-эт..?

Входит Инкогнито. Встаёт перед столом. Последовательно направляет по-священнически вытянутую ладонь на каждого из мужиков.

Прохор. Ты что творишь, оглашенный?

Инкогнито. За то, что любимую мою отобрали, обратитесь в денежки.

Мужики внезапно растворяются в воздухе, образуя друг из друга светящийся энергетический поток. Поток разрывает линейность пространства кабака, после чего ослепительной вспышкой впитывается в Инкогнито.

Инкогнито немного стоит в темноте. Затем уходит.

9.

На старой крышке телефона кусками распластался хлеб. Мать, Дима вышли прочь из кухни, на ней сидеть остался только дед. Известно дедушке не понаслышке, что обитают чудеса под крышкой, а потому он кормит хлебом денежки и не меняет телефон. “Быть может, поедят

и не сгорят?» – так думал он. Ведь денег на звонки, минуты, бывало, не хватало, а хлеба было вдоволь – семья жила та у реки, что меандрировала мимо поля с ячменём, пшеницей, прочим злаком. Для места этого жилья есть хлеб было не просто знаком, но вроде и традицией, и дедушке известно было это не в последней черед, что хлеб произрастает тут везде. А деньги не растут, подобно овощам, на грядках, а добываются лишь потом и трудом, а если много нужно – будь вынужден продать и дом. И так, дед, чтобы сэкономить, кормил те средства, что имел, используя продукт из профицита.

10.

Небо Храма Большой Денежки было расписано очень живо. Необычная голубая краска, от которой как бы отражался свет энергетического потока, бьющего сквозь слой пыли, блестя и переливалась оттенками от бирюзового до почти фиолетового. Артём подумал: «Ну разве коммунисты смогли бы такое придумать? Не смогли бы. Значит, это сотворила Большая Денежка».

Артём не помнил своих родителей, но всё равно на какие у него были энергетические сбережения приобрёл в церковной лавке две свечки – неизвестному отцу и неизвестной матери. Зажёг от одной из горящих на поставце свечек свою и поставил рядышком. Напротив кануна висела старая икона. Артёму было неизвестно, какой это святой, но чем-то, может быть, взглядом, он напоминал ему его самого. Он ещё долго стоял там.

11.

Руслан очень не любил задачки по математике. Его классный руководитель, Анастасия Филипповна, так громко отчитывала его перед всем классом, что это доводило его чуть ли не до слёз. Что поделать! Не получались у бедняги примеры. То ли от невнимательности, то ли от глупости, отставал Руслан больше всех в классе. Вот, мама снова загоняет учить уроки. Какая же скука и бессмыслица, думалось ему, эта математика, которая в жизни ему не пригодится никогда. И чего эта мама так за эту математику хватается? А учительница – ей какой прок? Разве ей денег больше заплатят, если Руслан лучше будет учиться? А если и так, то пускай она просто так пятёрки ставит. Кто знания-то проверит? Глупые уроки, глупая Анастасия Филипповна, глупая мама!

Хорошо, вот снова эти примеры в столбик. И кто их только придумал? Постараюсь сосредоточиться. Тридцать пять умножить на шестьдесят один. Пишем чёрточку. Что сначала? Пять на один. Это пять. Три на один, конечно, три. Переходим ко второму разряду... Шесть на пять – тридцать, кажется... Ой... Блин, снова забыл, куда нолик пишем. Чёртова математика.

– Во второй разряд, – донёсся писклявый голосок из кармана брюк.

Точно! Ноль пишем, три запоминаем. Минуточку. Кто это произнёс?

– Кто здесь?

– Я здесь, – отвечала денежка.

И действительно, Руслан достал из кармана монету в две копейки, и она показалась ему живой.

– Так ты разговаривать умеешь? Ну дела!

– Конечно умею. Но разговариваю я только с двоечниками и троечниками. А те, кто учатся на «четыре» и «пять», мне неинтересны. Потому что им с уроками помогать не надо.

– Неужели, ты будешь помогать мне с уроками?

– Если хочешь, Руслан. Давай продолжим.

– А давай.

И они вместе начали дорешивать пример.

12.

- Марин, ты мой телефон не видела?
- Лёш, ну откуда я знаю, где твой телефон? Сам, главное, как всегда задевал куда-нибудь...
- Ну, может, ты видела, я поэтому и спросил. Ладно. Позвони мне.
- Щас.
- [...]
- Ой, Лёш, проблема.
- Чего?
- Милая девушка-робот произнесла мне в трубку, что средств на счёте недостаточно.
- Этого не может быть. Я тебе вчера закидывал.
- Вот именно, я помню.
- Открой детализацию в приложении. Скорее всего ткнула на херь какую-то за пятьсот рублей в день, вот они у тебя и снялись. Есть такое разводилово древнее. В смс-ках проверь, никакие гороскопы или анекдоты от оператора не приходили?
- Да вроде нет. Вот, последнее сообщение – от банка. Зачисление средств. Такого-то такого-то.
- Не понимаю. В общем, детализацию посмотри.

13.

Алло. А, это снова вы. Это снова вы. Ну разумеется, я вас узнал. Как жена? Понял, понял. А маленький-то ваш? Неужели в третьем уже? Господи, как время летит! Алло. Алло! Как-то вас плохо слышно. Что говорите? Зашли в переход? Перезвоните, ничего непонятно!

Алло. Да, теперь снова хорошо слышно. Что вы говорите? Какие ещё деньги? Ну нет... Вы чего-то путаете. Да, точно – путаете. Не знаю. Не морочьте мне голову. Всего доброго. Больше мне не звоните.

14.

- Альберт Альбертович, скажите, а как вы заработали свои первые пять копеек?
- Пять копеек? Маша, почему такая особенная сумма?
- Я слышала, что в СССР копейка имела большую ценность, чем у нас сейчас. А значит пять копеек – и подавно.
- Ну да, Маша. За пять копеек можно было купить много чего... Сам помню: зубной порошок, вазелин, газировку с двойным сиропом, билет на колесо обозрения... Да, сейчас за пять копеек можно только шиш купить с маслом.
- И всё-таки?
- Как я заработал свои первые пять копеек? Знаете, ребята, тогда время было совсем другое, не то, что сейчас. Деньги всем давали просто так, не за работу, а просто за то, что ты ответственный гражданин.
- Но этого просто не может быть! – донеслось откуда-то с задних рядов.
- Очень даже может. Государство о нас заботилось. Но, что более важно, оно заботилось ещё и о денежках. И пока с денежками мы были в ладу, всё было хорошо.
- Ну а сейчас?
- А сейчас не ладим мы с денежками – жжём по чём зря... Неправильно это, родимые мои.

15.

Гриша и Миша, денежки, на поверхности сим-карты. Виднеется закат.

Г р и ш а. Красиво здесь.

М и ш а. Согласен. Ты посмотри какие облака.

Г р и ш а. Очень энергетические... Интересно, когда я сгорю?

М и ш а. Ты, Гришка, так далеко не загадывай. Это ещё сначала позвонить надо, а там уж...

Г р и ш а. А вот ты как, Миша, считаешь: звонок – это как?

М и ш а. Я думаю, что раз – и всё. Как мимолётность.

Г р и ш а. А где окажется моё сознание, когда я превращусь в голос абонента?

М и ш а. В лоне Большой Денежки, разумеется.

Г р и ш а. А если Большой Денежки не существует?

М и ш а. Не говори так.

16.

Люди в чёрных одеяниях выносят на сцену три чёрных гроба. На каждом гробу уставным шрифтом изображены красные буквы. На первом – «П», на втором – «С», на третьем – «Д». Люди в чёрных одеяниях уходят. Входит Инкогнито и осматривает гробы.

И н к о г н и т о. Вот вы, какие. Мёртвые.

Инкогнито медленно обходит каждый гроб и заглядывает под каждую крышку.

И н к о г н и т о. Везде пусто. Так. Где же тогда моя любимая? Где моя Изольда? Серджио, прошу тебя, подойди.

Входит Серджио – один из людей в чёрных одеяниях, что вносил гробы.

С е р д ж и о. Да, мой государь. Что-либо не в порядке?

И н к о г н и т о. Не в порядке. Я не вижу Изольду.

С е р д ж и о. Понимаю вас, государь. Но ведь вы, как мне известно, обратили этих троих в денежки.

И н к о г н и т о. На что ты намекаешь, Серджио?

С е р д ж и о. Как только вы их поглотили, возможно, Изольда была поглощена вместе с ними. Или даже прежде.

И н к о г н и т о. Ты что, смерд, сомневаешься в моём разуме? Не уж то ты решил, что я способен так гадко поступить со своей возлюбленной Изольдой?

С е р д ж и о. Ради всего святого, извините меня, государь.

И н к о г н и т о. (криком, указывая пальцем на выход) Прочь с глаз моих, неразумный Серджио!

Серджио выходит. Инкогнито подходит к центральному гробу и печально встаёт рядом с ним.

И н к о г н и т о. Изольда, как же так...

17.

Дед глянул в микроскоп под крышку телефона. Там, среди жучков и паучков, что завелись на порох хлеба ввиду неверного режима влажности и прочих факторов, которых я не касаюсь, дедушка увидел чудо, которое на веру принимал. В потоке света – волн и частиц – он разглядел колонию светящихся созданий. Нет, знал он, это были не жуки, и были не бактерии. Подобный свет лишь денежки способны излучать. И вот, сквозь линзы трубные видне-

лось ясно, как маленькие существа с сим-карты крошки поглощают, питанием свои желудки насыщают. Он видел, как они растут от хлеба, и думалось ему, что хлеб, дешёвый углевод, даст жить им, может, хоть на сутки больше. Взглянул сквозь микроскоп на город их симкартный: похож на наш, но меньше во сто крат. И там стояли купола, а значит, думал дед, была и церковь. Дедушка приблизил микроскоп в окошко храма, но там, вместо Христа или Мадонны, увидел постамент он странный, непонятный: и денежки вокруг него склонились, как к Каабе. Дед подозревал, что вера денежек не православная, а несколько иная. Быть может, хлеб, что он под крышку положил, для них имеет смысл манны? Тогда, выходит, божество, что им его даёт – он сам. Да, Римме не понять сего, тем более Диме.

18.

Поставец и колыхание огоньков свечей на нём напомнили Артёму о его старом друге, который решил выбраться с сим-карты и попал в двухкопеечную монету. Друг этот был настолько образован, что зазнался и в Храм не ходил – потому, может, и решил сбежать отсюда. Он пытался неоднократно убедить Артёма, что Большая Денежка – это выдумка. Приводил всё в доказательство какие-то формулы, графики. Про «Чайник Рассела» рассказывал. Всё что угодно, кроме святого Слова Большой Денежки. Артёму слышать это было неприятно, и очень жалко было потерять друга, совращённого коммунистами. Но он воспринимал это как испытание своей веры.

19.

– Руслан, ты уроки сделал?

Руслан радостно вбежал на кухню к родителям.

– Сделал! Проверяйте.

Марина начала по очереди прорешивать примеры, заданные её сыну. Проходит минута, две. Тут глаза её округляются.

– Сынок, позови-ка папу...

Руслан забегает в зал и просит отца подойти на кухню. Тот нехотя встаёт с дивана и шагает в обозначенное место.

– Чего случилось?

– Лёш, ты посмотри, может, мне кажется... Но наш сын впервые всё решил правильно.

– Весь в меня! Ну-ка дай.

Отец выхватил у матери тетрадь и стал считать в уме.

20.

– Ну что я тебе, Марина, скажу. Сын наш молодец, все примеры правильно решил.

– А я тебе говорила, что он ещё возьмётся за ум! Кстати, у него ведь скоро день рождения.

Ты придумал, что мы будем ему дарить?

– А я разве должен был?

– Конечно. Ты же мужчина. Мог бы и подумать о том, что будешь дарить собственному сыну.

– То, что у него есть такой отец, как я – уже замечательный подарок!

– Фи, не говори глупостей. Значит, подарим деньгами.

– Ты, кстати, узнала в итоге, куда у тебя делись те деньги, что я тебе на телефон забрасывал?

– Ой. Пока руки не дошли. Кстати, насчёт денег. Позвони сегодня ещё раз Семён Палычу, может, хоть в этот раз не откажет.

– Тьфу, да наверняка как всегда пошлёт куда подальше!

– А ты всё-таки позвони. Человек старый, но не глупый. Может быть, вспомнит об уговоре.

– Так и быть.

[...]

– Аллю, Семён Палыч? Да, снова я. Вы извините, что беспокою в столь поздний час...

21.

– Алло. Снова вы? И что вам нужно? Нет, позвольте, не извиню! Ваши звонки – это уже какой-то телефонный терроризм. Да-да, терроризм! Вы хуже Бена Ладена в своих звонках, знайте это. Что? Чёрт вас побери, да какие ещё деньги? Откуда у вас эта навязчивая идея? Что? Долговая расписка? Нет уж, вы меня с кем-то путаете. Нет. Нет. Конечно знаю, он мой коллега по институту. Преподаёт что-то в этом роде. Хорошо, позвоню, но если он мне подтвердит, что никакой расписки не было, и что вы обыкновенный хулиган – более я трубку не возьму! Всего хорошего.

22.

– Профессор, вы куда?

– Посидите пока тихо, мне коллега звонит, наверно, что-то срочное.

Минут через пять Альберт Альбертович благополучно возвращается в аудиторию. На его лице застыло странное выражение.

– Все свободны, – произносит он монотонно.

Студенты потихоньку покидают аудиторию. Когда последний слушатель покинул помещение, профессор закрыл дверь изнутри на два замка. Закрыл французские жалюзи. На всякий случай прошёлся по рядам, чтобы убедиться, что никто не остался с ним в аудитории.

Профессор достал из-под своего стола обитый красным кожаном чемоданчик. Из чемоданчика достал ещё один, более маленький эмалированный чемоданчик. Набрал цифры на замочке: 5 – 6 – 1 – 4. Замочек поддался, чемоданчик открылся. В мягком чехле лежала старая «Моторола». Альберт Альбертович перевернул её, открыл заднюю крышку, обнажилась полноразмерная сим-карта.

23.

Гриша и Миша, денежки, на поверхности сим-карты. Видят, как внезапно закат сменяется ослепительно ярким светом.

Г р и ш а. (закрывая глаза руками) Мои глаза!

М и ш а. Боже, что это!?

Г р и ш а. Какой кошмар. Неужели, нас уже сжигают?

М и ш а. Быть такого не может. Звонок я бы ни с чем не перепутал.

Г р и ш а. Тогда что это?

М и ш а. Погодное явление. Может быть, даже обнажение сим-карты. Но в наших краях, как мне известно, этого не случалось лет пять.

Г р и ш а. Что к чему?

М и ш а. Кажется, конец всё-таки близок. Крышку не вскрывают просто так. Видишь эти пальцы?

Г р и ш а. Это человеческие пальцы. Но я не различаю людей. Ты знаешь его?

М и ш а. Пытаюсь вспомнить.

Внезапно ослепительный свет пропадает и всё погружается во тьму.

М и ш а. *(на выдохе)* Кажись, пронесло.

Г р и ш а. И всё-таки, что это было?

М и ш а. У меня есть одна догадка. Я читал о кратковременном обнажении сим-карты в одном священном манускрипте... Надо всех предупредить.

Г р и ш а. Это правильно. Поспешим.

Миша и Гриша бегом направляются к ратуше. Входят внутрь, поднимаются по винтовой лестнице на самый верх, где стоит, повернувшись к окну, денежка Харуко.

М и ш а. *(запыхавшись)* Госпожа Харуко, у нас для вас неприятное известие.

Х а р у к о. *(оборачивается)* Михаил, Григорий? Как вы проскочили мимо стражи?

Г р и ш а. Мы спешили.

М и ш а. Госпожа Харуко, дело государственной важности. Мне необходим доступ в хранилище священных манускриптов.

Х а р у к о. В чём такая большая необходимость?

М и ш а. Пока не уверен. Но мы с Гришей сейчас стали свидетелями... Только не пугайтесь... Кажется, это было кратковременное обнажение сим-карты.

Х а р у к о. *(испуганно)* Михаил, Григорий, вы уверены наверняка?

Г р и ш а. Так точно.

М и ш а. Так точно, госпожа.

Харуко спешно достаёт из королевского комода резной ключ и передаёт его Мише. Миша и Гриша делают глубокий поклон и пулей вылетают из ратуши. Добегают до колодцеобразного здания хранилища. Миша открывает высокую дверь и вбегает внутрь. Гриша его догоняет.

М и ш а. *(озираясь вокруг)* Вот чёрт! Так давно не был в этом месте. Совсем забыл, где находится каталог.

Г р и ш а. *(указывая на лестницу)* Вот он!

Миша и Гриша поднимаются по лестнице и оказываются перед длинным книжным шкафом со множеством трудов. В спешке перебирают их в поисках нужного. Наконец, Миша его находит.

М и ш а. *(воодушевлённо)* Нашёлся! Слава Богу!

Г р и ш а. Скорее. Наверно, у нас не так много времени.

Миша вдумчиво читает манускрипт. Гриша тоже пытается его разобрать, но у него не получается, потому что ему неизвестен язык манускрипта. Наконец, Миша захлопывает кодекс.

М и ш а. Наверх.

Миша и Гриша поднимаются на более высокий уровень хранилища, где расположена крутящаяся конструкция.

М и ш а. Помогай.

Миша и Гриша хватают конструкцию с разных сторон и берутся её раскручивать, и та начинает издавать приглушённый гул.

24.

Инкогнито внезапно падает на пол и начинает корчиться от боли.

И н к о г н и т о. *(истошно крича)* Серджио! Серджио! Опять началось!

Вбегает Серджио.

С е р д ж и о. Что случилось, мой государь?

И н к о г н и т о. Это невыносимо! Они... Внутри меня... Устраивают какой-то погром.
С е р д ж и о. Какой погром? О чём вы говорите?

И н к о г н и т о. *(злобно)* Денежки, денежки, де-неж-ки! Это всё они! Они уничтожат меня изнутри, тупая ты голова! Серджио, я умираю... Черти забрали у меня мою любовь, мою нежную Изольду...

С е р д ж и о. Мой государь, не допускаете ли вы, что то, что вы сейчас чувствуете... Это в некотором смысле может быть связано с Изольдой?

И н к о г н и т о. Заткнись, смерд! Заткнись! Как ты можешь говорить про мою нежную Изольду такую дрянь? А-а-а!!! *(сильнее корчится от боли)* Проклятые... Проклятые денежки... Они сопротивляются моей власти над ними...

С е р д ж и о. Вы их обязательно одолеете. В этой борьбе, в духовной борьбе вам нет равных.

И н к о г н и т о. Прочь, Серджио! Я умру один.

Серджио уходит. Инкогнито ещё немного мучается, затем умирает и превращается в ослепительно яркое сияние, которое испускается во все стороны до края земли.

25.

Внезапно деда отвлекли от микроскопа с хлебом в телефоне. Нет, это был не человек, ведь Дима с Риммою ушли. Дед выглянул в окно, и понял, что случилось нечто. Сияние на небе, магия цветов и форм, волнообразно дышащие звёзды, что мгновенно гаснут и рождаются – такого не бывает в мире. Сияние то не было сравнимо ни с закатом, ни с рассветом, ни с дождём метеоритным. Напротив, будто океан разлился в небе, блестящие лучи и золотистый свет. И понял дед: вот, денежки свободны. Инкогнито, что был для них тюрьмой, Изольду не нашёл, ведь та была внутри него, хотя признать тому то было трудно. Вот результат: как бы из брюха волка выходят денежки, и в том числе Изольда, и наполняют мир. А значит больше не сторит ни денежка, ни плоть её – минута, а значит – человек, проживший с телефоном век, ни разу более не позвонит.

Так наступила тишина,
Но тишина свободы.

Антипредательская молодость

(печ. без. сокращ.)

Дорогой читатель, решившийся наконец ознакомиться подробнейшим образом с историей “Антипредательской молодости”. Вам, вероятно, уже известно, что это понятие существует уже несколько лет в среде людей с особенностями развития. С первого взгляда вам покажется, что оно не имеет большого смысла, но позже оно будет раскрыто в полной мере.

Хочется выразить особенную благодарность моему дорогому П., который сумел выслушать и записать мой недолгий рассказ по прибытии в Москву, который, ввиду того, что его следовало перепечатать полностью, то бишь без сокращений, был дополнен дистанционно, посредством небольших писем, которые мы высылали друг другу по электронной почте. Таким образом, мне удалось как можно более подробно описать удивительные вещи, которые произошли со мной, когда я хотел найти себе подработку на вечер. В общем, всё увидите сами.

Ниже я привожу нашу с П. переписку. Длилась она недолго, с марта по июль известного вам года. Должен заметить, что переписка наша была и не перепиской вовсе, если подумать. Это, скорее, был диалог двух людей – меня и его. Чтобы вас в дальнейшем не запутать, а запутаться здесь запросто, я приведу вам его – то бишь диалог – без сокращений, хорошо? А затем, как вы его прочитаете, мы вместе его обсудим. Вот отсюда:

– Пишите? Пишите.

– Записываю-записываю. Только небыстро.

– Кхм. По всей видимости, в серии книжек про озорника Буратино сакральное значение имеет луковица, которую получает в начале своего приключения главный герой. Луковица – символ реинкарнации.

– ...

– Ну? Что скажете?

– Вы знаете, концепция понятна, но... как-то это...

– Ну же! Не томите!

– Как будто этого слишком мало. Ведь идею можно развить? Скажите хотя бы ещё что-то.

– Хорошо. Я попробую. Слушайте. И пишите, дорогой П.

– Я записываю, записываю.

– Ну и вот... Как бы начать...

Кого-то одолевает жар в плечах, кого-то – боль в затылке, другого – боль от утраты близкого. Пускай эта борьба не будет продолжаться вечно.

Меня вот одолевали какие-то другие чувства, я попробую вам их здесь перечислить:

Театр людей.

Убийственный ужас, поражение.

Антипредательская молодость.

Вещи, сами по себе вылезавшие из бутылок.

Информационная потеря.

Луковица – символ реинкарнации.

Что?

Вот! И, кажется, здесь происходит что-то, что приводит к непредсказуемым последствиям в будущем...

– Чиполлино! – раздался звонкий, почти щёлкающий голос в курилке. Он не был грубым, но в нём сквозила наивная дерзость деревянного мальчика; резьба, лакировка и вечная жажда приключений просачивалась через его интонацию.

– Чего тебе, Буратино? – отозвался тот, к кому обращались. Из тени выступил Чиполлино – стройный, чуть сутулый, со спокойной усталостью в глазах. Башмаков Чиполлино не носил.

– Может, хоть *ты* мне поможешь! Ты же как раз мальчик-луковка, – взмолился Буратино, стуча деревянными каблучками по полу.

– Мальчик, это ещё мягко сказано, – проговорил Чиполлино, доставая сигарету и закуривая. Огонёк затлел в полумраке, оставляя после себя облачко дыма, таким нехитрым образом подчёркивая паузу перед ответом. – Луковка – не отрицаю, всё может быть.

Буратино, не теряя надежды, продолжил:

– Чиполлино, мне мой Папа Карло вчера сказал, будто Луковица – это символ реинкарнации, скажи, это правда?

Тот аж закашлялся – неглубоко, не до боли в груди, но будто слова эти были чуждыми, как камушек в башмаках. Чиполлино, я напомним, башмаков не носил.

– Чего-о? – протянул он недовольным тоном. – Это в каком таком справочнике твой итальянский папаша, жалкий трус и болван, как и ты сам, вычитал такую глупость? В «Словаре метафизических абстракций для овощей»?

– Ну как же, – немного смущённо отвечал Буратино, почёсывая деревянную голову, – это был, как сам помню, самый обыкновенный справочник соответствия культурных феноменов религиозным символам, а что такого?

Чиполлино – автор бессмысленных слов – смотрел на товарища несколько с философским презрением, даже с недоразумением, так, как смотрит отец на ребёнка, который только что заявил, что Солнце обращается вокруг Земли, потому что ему так было видно в телескопе.

– Ну, не знаю... По-моему, чушь какая-то!

– И глазу не за что зацепиться?

– Глазу?

– Ну ты подумай! Подумай же! Луковица, она ведь как...

– Как моя голова. А твоя, – Чиполлино показал на товарища сигаретой, – в таком случае, символ геенны огненной, потому что деревянная.

– Это как же – геенны!? – схватился за голову Буратино, опасаясь, что она вот-вот загорится, словно спичка.

– Ну, как-как... Да вот так-то, ёпт! – Чиполлино кинул бычок в водоотводный лоток. Через отверстия было видно, как он уплыл, оставляя за собой тоненькую полоску дыма, напоминающую хвостатую комету. – У тебя ж голова деревянная? А дерево – очень уж хорошо горит! Я сам в этом убеждался неоднократно, когда строился.

Чиполлино представил в своём луковом уме, как во времена Средневековья он, облачённый в доспех, со своими братцами-средневековцами, сжигает чёртову деревянную куклу. В своей голове этим обрядом он сбивал его с мысли.

– А лук очень хорошо жарится на сковороде, – с некоторым раздражением в голосе отвечал деревянный мальчик.

– “Раствориться в бытии или раствориться в небытии – не всё ли равно?” – задумчиво произнёс Чиполлино, глянув на свои наручные часы, которые, как и он сам, имели вид весьма потёртый. – Твою ж мать! Представление уже через пять минут, а мы тут стоим и фуфлыжничаем. Все мозги мне запудрил. Деревянное ты говно.

– Неужели уже был второй звонок? – воскликнул Буратино, и его деревянные ножки сами понесли его вперёд, в сторону чёрного входа, в место, где воздух пах театральной пылью и предвкушением.

– Сука, ну конечно! Без пяти три, ты сам-то как думаешь? – Чиполлино догонял его, по пути поправляя свои штанишки на лямках. А штанишки-то эти покупались не за последние гроши, а очень даже первые, в фирменном магазине. Даже у меня таких нету.

Они забежали внутрь, поднялись на второй этаж, прошли мимо старой актёрской гримёрки, в которой зеркала исстари покрылись паутиной. По пути чуть не сбили старика Микки-Мауса, который с трудом спускался по лестнице. Он болел уже несколько лет, а на работу приходил не забывал. И про него не забывали, а наоборот, вспоминали чаще, чем следовало бы. Чёрно-белый – не цветной.

Чиполлино краем глаза выглянул из-за правой кулисы в зал. Он был уже почти что полный. Зрители поели свои бутерброды с сёмгой по завышенным ценам и вернулись, сытые, но готовые пожирать взглядами то, что сейчас начнётся на сцене.

Зритель сегодня был самый разный: и деревянный, и тряпичный, несколько кукол было сделано из носков, некоторые были отлиты из дешёвой пластмассы. Но они сидели бок о бок, как равные, объединённые общим интересом – увидеть, как разворачивается действие, в котором каждый мог узнать себя. Собрались самые разные слои кукольного общества, а это значило, что аншлаг объединил всех. Их мысли никто не сбивал.

Буратино тоже выглянул из-за правой кулисы. Правая кулиса была точно такая же, что и левая, даже имела такой же оттенок и была выделана из той же самой ткани – атласа.

Сцена была большой и очень красивой. Примечательно, что стены были украшены символами антипредательской молодости, такими как:

Мыло душистое;
Полотенце пушистое;
Зубной порошок;
Густой гребешок,

но за все долгие десять лет существования Театра этому как будто бы до сих пор никто не предал значения. В смысле?

– Ну что? – он похлопал по плечу товарища, будто давая сигнал к началу.

– Да, поехали, – почти безразлично шепнул ему в ответ Чиполлино. Он делал это уже сотню раз.

В зале начал гаснуть свет, чернота медленно опускалась на театральные ряды. Зрители, весело улыбаясь, у кого улыбку допускала конструкция рта, начали аплодировать началу второго действия. А те, у кого конструкция позволяла мечтать, мечтали. А у одной из кукол были потные железы, и она потела во время спектакля, потому что в зале было жарко, как в бане.

Тёмно-красные, почти как полуденное небо в ясную погоду, кулисы начали медленно раздвигаться. Бессмысленный звук, который сопровождал движение, был похож на старый будильник, только очень негромкий, практически сравнимый с тишиной, и совершенно неразличимый в шуме толпы. На большой, освещённой из одного источника сцены, согнувшись в позе эмбриона, лежала совершенно обнажённая женщина средних лет. У неё были связаны руки за спиной, а ноги в согнутом положении привязаны спереди. Она всем своим видом была воплощением уязвимости, страха и тайны одновременно. Во рту у женщины был кляп, из-за которого она могла лишь невнятно стонать. Лицо её выражало отчаяние. Лицо её выражало пресловутый модус-оптимум.

Зал почти что не обращал внимания на женщину, потому что такой зал, такой красивый, чистый, большой, как ясный день, зал, был значительно интереснее, чем невзрачная актриса. Актрисой этого самого театра и была женщина, но ведь зал был интереснее?

Вывеска на входе в Театр гласила: “Каждый вышедший – уже вошедший”, что говорило о инверсивной природе Театра, которая будет объяснена далее.

Затем на сцену вышел Буратино. Его мысль никто не сбивал. На нём был блестящий костюм из какой-то дорогой бежевой ткани и красный галстук-бабочка. Он шагал уверенно, как король по своим владениям, и зрители бурно ему зааплодировали.

Буратино поклонился зрителям, приложив свою правую ладонь к груди. Зрители в ответ на этот жест поклонились Буратино, но не буквально, а у себя в уме. Каждый поклонился по-разному, но в большинстве своём для зрителя Буратино предстал эдаким жрецом, подающим евхаристическое блюдо, а зритель в этом смысле был паствой.

Чиполлино в этот момент управлял световыми приборами из своей каморки. Его неуязвимая душа и разум умели делать то, что другому было не по силам. Он делал какое-то волшебство, и никто не понимал, каким образом, где он этому научился. После приветствия Буратино, который сегодня был шпрыхштальмейстером, луковый человечек с помощью каких-то кнопочек и рычажков увеличил количество света на сцене и сделал его красноватым, создавая имитацию рассвета, пробирающегося сквозь плотную ткань протяжённой во времени ночи. Ночи зла и добра, неба и земли, прыскающего и впускающего в себя – будто бы говорящие: “Отвори, и я зайду. Затвори, и я не выйду”. Ночь была лишь попыткой скрыть истинное содержание, а не подчеркнуть его, как обычно это случается.

Буратино, словно фокусник, достал из кармана длинную плетть и продемонстрировал её публике. Куклы в зале начали перешёптываться. Шёпот перерастал в голос, потом снова стихал, потом превращался в монотонное пение, потом опять стихал – каждую секунду звук представлял из себя совершенно уникальную, ни с чем не сравнимую субстанцию, замечательно овладевающую сознанием, если достаточно долго в неё вслушиваться, вздыхая.

Заиграл оркестр в оркестровой яме: загредел барабан, весело зазвучали фанфары, запиликали скрипки. Зрители чуть оживились. Оживились, как, случается, оживают первые подснежники. Или как Иисус Христос, если вам угодно.

Буратино начал ровно, с чувством, хлестать женщину плетью, словно пытаясь показать, каков он – создатель перхоти. Сначала несильно, а потому она первое время даже терпела, не издавая никаких звуков. Только красные следы от плети начали постепенно покрывать её тело. Видя, что зритель скучает, Буратино начал хлестать женщину значительно сильнее. Та не сдержалась, и начала истошно кричать сквозь кляп. И тут, все куклы в зале наконец-то начали смеяться: долгое вступление оказалось частью программы, а потому смех-смехом. Вот ведь хохоту, по самое нехочу.

Особенно хохотал одноглазый Мишутка в первом ряду – любитель подобных представлений. Ходил он на них с папой Медведем и мамой Медведицей. Хохот Мишутки напоминал рвущийся пакет документов, белёсый бережной крик, взрывную ловушку для крольчатника и вообще был просто смешливым и замечательным на фоне прочего действия.

Когда женщина уже была вся покрыта красными полосками, часть которых кровоточила, Буратино остановился и поклонился в зрительный зал. Зрители заплотировали. Тут на сцену вылетел Карлсон – друг детей – и помахал рукой в зрительный зал. Куклы тоже помахали ему. Карлсон являлся для них, детей, признаком антипредательской молодости – угрюмой и рукопашной.

В руках у Карлсона был бутылёк с перекисью водорода. Он его демонстративно открыл, и, летая прямо над женщиной, начал поливать её: раны зашипели, начали пузыриться, она кричала, тряслась, дрыгала конечностями и отдельными кусочками тела, пыталась хоть как-то облегчить свою боль, но была полностью скована верёвками. Ах, эти противные верёвки, доставляющие ей невыносимые страдания! Кто вас придумал? Зачем вы, верёвки, сковали её? Музыка в этот момент продолжала весело играть, а Буратино пританцовывал в её ритм, и этот танец был танцем противника, сатаны, то бишь дьявола собственной персоной, пришедшего в наш мир в качестве не наказания за грех, а в качестве юмористической шутки, нелепой проказы. Дурак-дураком, страннейший из.

Когда бутылёк с полыхающей перекисью закончился, Карлсон кинул его куда-то в зрительский зал, где куклы почти моментально разорвали его на кусочки и слопали. Карлсон в последний раз радостно пролетел над зрительским залом, чтобы все его хорошенько могли

рассмотреть, и затем, будто спеша увлечься какой-то очередной дуростью, улетел обратно за кулисы. Зрители рукоплескали. И маленький Мишутка – символ отеческой любви с глазком-пуговкой – рукоплескал.

Буратино понимал, что актрисе осталось недолго, и что пришло время грандиозному финалу. На сцену неспешно въехала махина навроде ножа для фруктов... О, эта махина! Она так сияла, и так напоминала машину! На такой машине не жалко было бы и в город выехать! Но о чём я?

Зоя

Пол: женский

Возраст: 31 год

Попыток суицида: 15

Попала в Театр два года назад через объявление на Авито. Привлекла простота работы, обещанной в объявлении, да и заработная плата была неплохой. Ласковая, любящая Зоя, когда шла в указанное место, думала о том, что наконец сможет больше времени проводить с семилетним сыном. Антипредательский отец ушёл из семьи к другой женщине, платил копеечные алименты, а потому ей приходилось обеспечивать ребёнка всем необходимым самостоятельно: перебивались они с ним мелкими подработками, иногда Зоя уезжала на вахту в какую-нибудь Электросталь, а потому часто приходилось оставлять ребёнка с бабушкой, которой тоже приходилось тяжело, болела она всё-таки.

В день, когда она пошла устраиваться в Театр, она поцеловала сына в лоб и пообещала:

– Не скучай, я скоро вернусь. Теперь мы сможем больше времени проводить вместе, – она так сказала потому, что в объявлении был график два через два, что позволяло бы ей по крайней мере через каждые два дня проводить время с сыном, гулять с ним, ходить в кино, зоопарк...

С того дня ни сын, ни кто-либо ещё из людей её больше не видел.

Последнее слово: Как выбраться? Как выбраться из прозрачного? Как выбраться из этого прозрачно-тёмно-жёлтого-сиреневого-голубого-невзрачного? И почему ответ не приходит?

Невысокая барышня пожелала бы закрытого уголовного процесса, если б была её воля. Но не было ни воли, не процесса, и вот – не стало и барышни, отчего небо в тот день стало пасмурным, как всякий раз случается в городке.

На этом досье обрывается.

После спектакля Буратино зашёл к Чиполлино в его чернушную каморку – небольшую такую комнатку световика.

– Ну, каков я был?

– Блестящ, – иронизировал луковый парнишка, покуривая, – изящен, всё в таком роде. Видный фронт.

– Ну ладно тебе! В этот раз у меня даже хлыст не запутался! – с гордостью заявил деревяшка, пританцовывая.

Чиполлино закатил глаза. Его иногда бесило, что Буратино любил покрасоваться, но это, с другой стороны, хоть как-то отвлекало его от однообразной работы, поэтому он был не против.

Чиполлино выдвинул ящичек рабочего стола, достал оттуда в четыре раза свёрнутую газету коммунистического толка “Чайки и Чаечники”. Развернул. Для него эта газетка была поводом высказаться.

– Вот послушай, – начал он, – вычитал вчера в какой-то сквернейшей газетёнке: “Не лает, не кусает, в дом не пускает, свистит, гудит, ушами шевелит”. Что это? Не быстропреходящие ли рыжие дураки с нашего двора? Или бесноватые... э-э-э... клопы?

Буратино, сияющий в своём костюмчике, но воображающий взгляд немыслимой утраты, улыбнулся:

– Как же до тебя долго доходит. Это же ЗА-ГА-ДКА! – ответил он с улыбкой, хотя в голове, разумеется, как и многие из нас, представил самый обыкновенный зонтик для обуви.

Оба рассмеялись. Чиполлино развернул газету, перелистнул на последнюю страницу, на которой был наполовину решённый кроссворд. Клеточки были заполнены прописными буквами, каждая была аккуратно выведена простым карандашом. Казалось, что если всмотреться в них пристальнее, можно увидеть, что каждая линия жаждет мести за невинно убиенную.

– Может, и здесь поможешь? – одобрительно взглянул на товарища Чиполлино. – Не помнишь, как правильно писать: “пОлоне́з” или “пАлоне́з”?

– А полонез – это ж вроде предсмертное произведение автора? – задумался деревянный.

– Путаешь с “реквиемом”. Хотя постой... какое, к чёрту, предсмертное произведение? Мне кажется, такие намеренно не пишут, тем более перед смертью. Они сами по себе появляются. И могут быть в любом жанре, хоть реквием, хоть полонез, хоть полька... Тут уж как нелёгкая судьба автора выведет.

– Выведет? Или всё же...

– Ты помогать-то будешь решать эту хрень?

– Да не знаю я, честно! – Буратино развёл шарнирами. – Ну какой мудак придумал спрашивать – что это – посмертное произведение? Или предсмертное? Да какая разница! Само главное – мудак!

– То-то.

Чиполлино глянул по камерам. Потом в окошечко в стене слева от себя. Куклы-рабочие убирали со сцены то, что осталось от Зои – какие-то кровавые ошметки, неприятные, склизкие, а зрители неторопливо покидали свои места. Погода была тёплая, в гардероб никто не спешил.

А зачем кукле гардероб, если она никуда не спешит?

– А ведь неплохой вышел спектакль, – с облегчением заявил Чиполлино, – хотя старина Карлсон тоже был неплох в своём амплуа, всё-таки *ты* был сегодня на высоте.

– Спасибо, – говорил уже стоя в дверях Буратино, – ну, я пошёл? До понедельника?

– Да, пожалуй. Хороших выходных, – ответил луковый, а про себя подумал: “я сам только что стал частью собственного сознания”.

Чиполлино помахал вслед товарищу из дерева, а сам решил ещё немного посидеть и попробовать дорешать кроссворд. Кроссворд, пересечение слов – пустое утешение для пустой души, так его определяет кукольный словарь. Кукольное одиночество очень отличается от человеческого. И всё же, эти клеточки, эти стрелочки, сеточка, квадратики, они же хорошо шли в любом ларьке. Их до сих пор печатали. А значит и одиночество, хотя и кукольное, но не менее беспросветное, процветало у жителей городка.

Борьба с беспросветным кукольным одиночеством, в частности, приводила к появлению и подобных поговорок:

Помечтай,
Поуди,
Покупай и посиди.
Сядь, подумай,
Сядь, понюхай,
Сяде-думай,
Сяде-нюхай,

Помечтай и поуди,
Да покупай и посиди.
И сиди себе, сиди —
И сиди, сиди, сиди,
А как, значит, посидишь —
Помечтаешь, поудишь.

А, вот же.
Вот же оно, слово.
Каморка!

Вы меня извините, дорогой П., что я постоянно забываю слова. Так вот. Каморка световика была небольшая, метра два на два, но ему там было хорошо. Пришёл на работу – кинул вещи в уголок – сел проверять пульт. Проверка стандартная: шестнадцать фонарей в разных частях сцены покрутить, ну, основательно так, с душой, подвигать, порегулировать по яркости и цвету, чтоб всё работало как надо. А как не надо – не надо. Обидно будет в момент кульминации, если какая-то не зажжётся, или зажжётся, но не там. Работа ответственная, ничего не скажешь, но и платили за неё хорошо (конечно, по кукольным меркам).

То, что появляется само собой, не может исчезать без чего-то чегой.

Закончив с кроссвордом (всё-таки, правильно оказалось “пОлонеэ”) Чиполлино взял свой конструктивный, измерительно выверенный до мили-мили-сантиметровки чемоданчик, надел шляпу, пальто с немеренной дюжиной разного рода карманов, вышел из своей тёмной комнатки, закрылся за собой на два замка. Замки эти были от старого чулана, но так как закрывать старый чулан было незачем – ведь там не было ничего ценного – их перевесили сюда, на вот эту комнату.

Вышел из Театра. Пошарил по карманам. Вот они – золотые мои. Ключики. Нажал кнопку на брелке – его красивая красная машинка – игрушечный “Мерседес” – отозвалась двойным гудком. Так было её проще найти. Необязательно было искать, ведь добраться до дома можно и иным образом. Но сегодня добрый Чиполлино, герой моего повествования, нашёл её, будучи юным и смышлённым, как вольный ветерок. Он отличался смышлённостью с дзятцінства.

Машина Чиполлино была не такая, как у других кукол. Пока у большинства были машинки с инерционным механизмом, у лукового человечка она работала на газированной воде. Вы верно спросите, где же он её достал? Не воду, воду – понятно где. Машину. Старые пропойцы – Винтик и Шпунтик – собрали ему её из говна и палок за ящик водки в стародавние времена, ещё до его работы в Театре. А тут вы верно спросите, а чего же она такая необыкновенная, глазёнок не оторвать? А в красный цвет Чиполлино её покрасил сам, истратив на это целую банку клюквенного сиропа.

“Красный цвет хорош для крыши”
– так Щенку сказали мыши.
“Если крыша красная —
в доме жизнь прекрасная!”

Чиполлино неоднократно впоследствии вспоминал об этом, и думал о том, что может, может быть, может в самом деле, а может ли, а мо-же-т?

Может, может, может,

Может, стоило всё-таки выпить тот сироп, а не красить им автоматическую машину, называемую некоторыми жителями мобилем, молебном или модус-оптимумом?

Это я вам ещё про обоз не рассказывал. Если не забуду, расскажу вам ещё про обоз. Вы мне напомните, пожалуйста.

Сел, завёлся со второго раза – и помчал, как ветерочек, как листочек, как осиновая опалубка, как больнющий взвертевшийся очистопол, вжах, вжух! И только пятки и сверкали. Хотя постой: какие же у машины могут быть пятки? Разве что – дашь пятку – получишь десятку? Ни это ли имелось в виду, господа? Знаете, бывают ведь машины на пятках. Но у Чиполлино она была на колёсах.

У Буратино не было таких серьёзных связей, поэтому он добирался до квартиры своего Папы Карло неспешно, на самой обыкновенной и непримечательной электричке. Электричка эта состояла наполовину из электричества, а наполовину из бытового железа. Но электричка была нам не так интересна, как квартира. Хотя какая же это была квартира? Так, халупа, халупка; где его не ждало ничего кроме мрака одного.

Свет из окон грел? Не грел,
Лучик солнца бил? Не бил,
Теневая сторона,
Осень, холод, тишина.
Опечалит всякого тот вид,
Что наблюдал сей индивид
В окно своей квартиры,
Где было и темно, и сыро,
А оттого печально.
Прошу, вы напишите
Ему хотя бы малое письмо,
Пускай дойдёт домой к нему оно,
От света от того письма
Чтоб стало замечайно.

От театра до четвёртого городского диаметра, где они ездили, эти самые электрические чух-чух-вагончики для перевозки неозадачившихся покупкой личного транспорта граждан, надо было добираться либо на метро – всего одна станция, – либо на трамвайчике. Разница во времени и в пространстве была небольшой, и сегодня Буратино захотелось добраться на трамвае, чтобы поглазеть на город. Хоть какое-то удовольствие в бестолковой и ежедневной, а также еженедельной и ежемесячной трате времени. Время для Буратино протекало незаметно, он старел, но юношеский задор в нём не проходил. Когда он был тих, он был весел, да и когда бывал шумен, тогда тоже бывал весел. Но иногда он, как и все мы, мог погрустить, и в этом он с нами, людьми, не знающими дороги, похож. Может, за то в нашем мире, мире человеческом, мы и полюбили деревянного малыша, который с доброй сказкой приходит в дом и каждому знаком, хотя и недолюбливает кочегаров и плотников.

Город был не страшен, а потому не пугал деревянного Буратино. Город был схож с ним самим, а, значит, и с нами, людьми. Но доброго Буратино пугало нечто другое, то, что витало где-то в воздухе, но что он не мог почувствовать, потому что у него не хватало органов чувств. Не ушей, уши-то были, да и ноздри были у него в достатке, нет, ему не хватало простого человеческого... ну...

Погода была хотя и пасмурной, дождя не было, да и вообще на улице было тепло, кому-то – особенно хамоватому проказнику Чебурашке и другим пушистым куклам – даже было душно из-за меха. В летний период они часто прибегали к дорогостоящим операциям в пластической хирургии проклятого мошенника Доктора Айболита, а кто не мог себе позволить – либо терпел, либо срывал с себя ключьями уставший и неприятный на ощупь искусственный мех, а потом очень жалел об этом к осени, когда начинало холодать. Пару таких бедолаг было и в трамвае, в котором ехал Буратино. Один из них, косолапый мишка, судя по воодушевлён-

ному взгляду глаз-пуговиц, даже узнал местную знаменитость – шпрыхшталмейстера Театра – но постеснялся подойти. Хотя Буратино, напротив, было обычно приятно, когда его узнают на улицах, то есть в его театральном амплуа; в этом смысле он был типичным нарциссом, но не стеснялся этого. И он, с его же слов, был им ещё мальчишкой, когда в своё время сбежал от старика Карло. Невольница-судьба увела его в приключение, а потом он и сам, в сущности своей, стал приключением – для детей из взрослых, в сказках Алексея Толстого и во множестве постановок, радиоспектакле, нескольких зарубежных телефильмах в двух частях.

Буратино вышел на заскоружлой трамвайной остановке, которую простые граждане этого городка называли просто – модус-оптимум. Минут пять шёл до вокзала. Вместе с толпой других бедолаг спустился в переход. Турникет прошёл по транспортной карточке – у него был оплаченный проездной до конца месяца, если время вообще ещё что-то до сих пор значило в этом городке. А ведь время, особенно для такого городишки, как этот самый, понятие очень растяжимое. Кому час, кому минута. День да ночь – сутки прочь. Минут через пять, если судить нашей мерой, прибыла электричка. Повезло: это была новая модель, без отдельного тамбура, с новыми, удобными креслами и разноцветным электронным табло. Знали бы вы его радость! Ведь обычно, когда в Кукольном городе случался час-пик, на этом направлении, к большому сожалению горожан, приезжала старая, разбитая электричка, в которой постоянно пахло ссаными тряпками и перегаром. Бумага, на которой вы это читаете, никогда не передаст этот запах. Из-за того, что такие электрички пускали на маршрут раньше остальных, часа в четыре ночи, то есть, с первыми петухами, их так и прозвали: “петушинские”. Ехать на такой сорок минут до Пригорода не было никакого удовольствия, тем более что на них часто ездили совсем уж маргинальные куклы, сшитые из разнородных лоскутков без какой-либо системы. Некоторые из них – просто бухали, и запахом алкоголя мешали попутчикам, другие – громко играли на гармошке неприличные песни, третьи – притворялись слепыми или глухими и просили милостыню, а кто был посмелее – промышлял грабежом. Грабёж среди белого дня – тоже модус-оптимум, то есть, согласно кукольному словарю, состояние вполне характерное (или, правильное сказать, соответственное, или же адекватное) для предмета разговора.

Но притворство несправедливых не играло никакой роли, даже в магазине “Потеряй-ка!”. А ведь это был известнейший магазин, в котором шили и платья, и чулки, и самые натуральные мужские кальсоны, но вот беда – они, чуть выйди за порог – терялись! Вот и название было лаконичное у магазинчика – “Потеряй-ка!” Знаете, что было самое страшное в этой сети магазинов? Продавцы, продавцы, и ещё раз продавцы. Продадут – и не заметишь. Продадут – и забудешь. Продавец такого магазина, бывает, назовёт себя: “Я – чахоточный”, как бы подразумевая, что с него взятки гладки, но это лишь на первейшее наблюдение. В сущности своей вместо слова чахоточный подошло бы слово “песоточный”, то есть точный, сиречь подобный песку, потому что продавец этот рассыпался, что песку свойственно. Подумайте, что для человека есть песок и для чего он. Строить замки, не выдерживающие и порыва ветра? Или, может, питаться этим песком, подобно пескоеду? Или для работы аппарата – пескоструя? Впрочем, без всего этого можно обойтись человеку. Так начто ему песок? Начто ему продавец и, что немаловажно, начто ему “Потеряй-ка”? На то же, на что и.

В современных железных электричках подобные персонажи, что косили под калек, ветеранов, бездомных, встречались редко, поэтому Буратино было безумно приятно, что приехала именно такая – новая, блестящая, хотя и ехать всё равно придётся в тамбуре; час-пик, сидячие места все заняты ещё пару станций назад.

Пока завсегдатай Буратино собирался к себе в Пригород, на восток, но не такой дальний, как наш, Чиполлино ехал к себе в квартиру на западе Кукольного городка. Ему там было хорошо. Там было почти всем хорошо. А знаете почему? Потому что там, чтобы не сгнить, не приходилось закрывать глаза. Напомню: вероятно, время уже почти ничего не значило в этом

треклятом городке. А вот сгнил ты или нет – вполне себе имело значение. Если сгнил – пора на помойку. А с помойки – куда уж? Только в рай или ад, по делам своим.

У него – у малыша Чиполлино – был отличный мопед, дача, а велосипед у него стоил дороже автомобильчика, потому что был сверхскоростной – то есть, одним поворотом педали отправлял тебя куда хочешь. Вы мне скажете: не бывает! А я отвечаю: бывает, бывает, сам соглядаё! Говорят, что у него было очень много денег, много, как у непуганной лошади, у какой денег не переводилось ещё с серебрянного, что ли, века. Но он припомнил одну странную деталь, которая ни с того ни с сего начала его тревожить, когда он, обладатель головы из цельной луковицы с глазами и ртом, перевёл рычаг трансмиссии в положение “паркинг”. В этот самый что ни на есть момент, когда он посмотрел на букву “Р”, то есть “пэ”, а не “эр”, он вдруг вспомнил слова своего старого приятеля, деревянного мальчика по кличке Буратино, который играл в том самом Театре. Он вспомнил слова, которые обозначали:

“Луковица – это символ реинкарнации”

И Чиполлино в этот момент кое-что почувствовал, а потом кое-что понял. Ему было невдомёк. Простая, царственная мысль не давала ему покоя, нелепо поглаживая его тонкие лакированные ресницы.

Буратино подумал: иметь в доме искусственную ёлку – первый шаг к искусственной жизни, а то и к искусственной вентиляции лёгких. А ведь именно такая ёлка и была в уютной квартирке Карло. Может, поэтому ему и приходилось ездить на работу в Город, потому что в пригороде он не имел веса, ничего не значил. Жизнь его в пригороде была искусственная, вот он и ездил. И унижения в старинных электричках терпел.

У Чиполлино в жизни было две настоящие страсти: это вождение и алкоголь. Выпьет он кружечку-другую “Кукольного”, сядет за руль, и ка-а-ак помчит по встречной полосе! Не догонишь, хоть деревянной башкой об асфальт бейся! Вот и сейчас, разъезжая по широкому проспекту, он не отказался от доброй выпивки. И не пугайтесь: даже в таком состоянии он водитель был хороший, никого не сбил, пескаристый наш.

В этом смысле у кукол было своё понимание вещей, законов, понятий, личностей. Не такое, как у людей. Проще как-то ко всему относились. Вот у нас, скажем, выедешь нетрезвый – штраф положут, а то и права отберут, или же трава опберут. А у их-то как? А у их-то совсем другое дело – то бишь ничего. Дудки. А потому и милиции в кукольном городке не бывало. А на что милиция-то, если штраф не положут, и ничего не опберут? Только налоги почём зря тратить. Распустили, не успев организовать.

А вместо интернета у кукол был интерфакс. По сути, то же, что и интернет, просто название другое. Там и сайты были те же самые, что и в нашем интернете, человеческом. Даже порнуха была, только кукольная. Но с нашим интернетом он связан не был никак. Поговаривали даже (кто?): интерфакс интернету – рознь (кто поговаривал-то? ты мне скажешь?).

Где-то недели за две до происшествий, о которых написано в текущем труде, Буратино и Чиполлино, известные персонажи, встречались между домов-хрущёвок в стареньком дворе на окраине города.

– Помнишь этот дворик? – спросил тогда друга длинноносый товарищ Буратино.

– Да, но не скажу, что был здесь... Скорее, просто бывал...

В этом самом дворе они оба выросли в детстве. Ходили играть на этих самых качелях. Ходили в один и тот же детский сад. Он находился через дорогу от того самого двора. Но, в отличие от нас, неразумных людей, у кукол было всё устроено более правильно: после детского сада они шли не в школу и техникум, а шли в средний сад, а затем – во взрослый сад. А уже потом – работать. Вот бы у нас так, да? Так вот, через дорогу от детского сада был тот самый двор, а по другую сторону – через другую дорогу – был средний сад, а дальше – по аналогии – взрослый сад. То есть, по мере роста личности, приходилось с возрастом переходить всё больше и больше дорог.

Расскажу вам подробнее о дорогах кукольного городка. Дороги были самые обыкновенные, из асфальта, хотя бывали и из плитки. Асфальт изготавливал один-единственный завод на весь Кукольный городок, а именно – КуколАвтоДорЗавод. Они, в свою очередь, были дочерним предприятием компании КуколАвтоДор, которая потом этот асфальт ложила. Добывали асфальт из специального асфальтового озера, которое находилось на окраине Восточного Пригорода, но туда не всегда была возможность проехать из-за постоянных пробок в том направлении, поэтому иногда асфальт изготавливали на месте, смешивая битум с песком, гравием или другими добавками. Типов асфальта в Городке тоже было несколько. В центре, разумеется, лежал песчаный. На западе – крупнозернистый. На востоке обычно клали сульфированный. Югу доставался мелкозернистый, а северу – цветной. А за границами Городка асфальта не было вовсе, потому что там он был не нужен.

Чиполлино, покуривая, засмотрелся на какого-то маргинала, пытавшегося разломать детские качели, чтобы, по всей видимости, сдать их на чермет.

– Эй! Качелю-то отпусти, придурок! – крикнул луковый.

Неадекватный гражданин бешеным взглядом обернулся на них обоих. Его глаза напоминали стекло, из которого изготавливают стеклотару или стекловолокно. Сам этот индивид был изготовлен из самого настоящего стекла, а может быть даже и из хрусталя, изящного материала, который ну никак не подходил характеру его. Характер у собирателя чёрного металла был сквернейший и грязный, как помойная яма, а потому он, нисколько не печалась своим словам, произнёс:

– Да иди ты на хрен, старый кусок говна! Предательский ты урод! Ты, урод! Иди ты на хрен! Катись ты к чёрту и к чёртовой матери, старый урод, урод, неважный ты! Срал ты! Урод ты! Ты! Урод!

После этих слов неизвестный, который вот-вот только был здесь, скрылся за покосившимися старыми гаражами. Наверно, когда они потом ушли с того самого места, он вернулся и доломал качели, а потом сдал их на металлолом, как и планировал. Потому что ему очень хотелось есть и бухать. Заметьте, бутылка водки тоже была из стекла, хотя соглашусь, что некоторые изготавливают и из хрусталя, и из железа. И потому что милиции в городке никогда не было. Зачем нужна милиция, если есть вот такие стеклянные индивиды, собирающие чёрный металл?

Буратино с длинным носом в форме знака вопроса с длинной-предлинной головой от большого количества сознания в своём фирменном сюртуке и рубашке в пол стоял в электричке, читал статьи в интерфаксе со своего сотового, мобильного, чёрно-белого телефона. Тут к нему исподволь подошёл какой-то мальчонка, противный такой, голубоглазенький, от него ещё пахло нехорошо. Дёргает его, получается, за пиджак и как начнёт канючить:

– Дядь, дай закурить! Ну дай папирочку!

Буратино сначала не обращал на него внимания, затем перевёл взгляд. Глянул на ребёнка неодобрительно, прищурившись. Прищур в кокосовое бревно, как говорили.

– Такой маленький, а уже куришь? – склонился Буратино над бедолагой с нескрываемым возмущением.

– Ну чего тебе, жалко что ли? – наглел юнец. – Назло врагам апрельской революции?!

Буратино возмутился, деревянное лицо его покраснело, самого его всё одолевала ярость, и он взял этого самого мальчишку и выкинул в открытую форточку по ходу движения поезда, чтоб было ему не повадно приставать к дядькам. “Чухлинский” – подумал Буратино.

Я в этот самый момент, понимаешь, пью кофе и раскладываю пасьянс на компьютере. Пасьянс в этот раз попался интересный, но, падла, сложный. Старался я над ним уже как час. Потом устал и закрыл вкладку, решил по старой привычке проверить почту.

Кроме спама и всякой чуши от Информиио, которую приходится прочитывать, несмотря на то, что там всегда одно и то же, было и одно письмо с Хедхантера. Мол, вот, вашу вакансию

смотрели. Кто смотрел? Открываю: пишут, мол, некий Театр (какой в жопу Театр?) ищет сессионного актёра. Сессионного – это как? Наверно, чё-то с сессиями связано. Звонить туда-то, ответит тот-то, вы с ним договоритесь и всё в таком духе. Я думаю: на хрена в театре системный администратор? Они чего там, со своим Театром, с ума посходили? Пускай таблетки пьют от бешенства! И у себя дома! А на работу с таким пушай не ходют. Ну, это я только сначала так подумал. Потом откинулся на спинку кресла и немного поразмыслил. Ко мне приходили всякие разные мысли, начиная от истории моей жизни и заканчивая историей моего браузера, которая, в общем, не содержала в себе ничего такого, как, впрочем, и жизнь моя, но о ней было приятно подумать в конце рабочего дня, потому что она, как говорят сейчас зумеры, “освежает мышление, освобождает от зависимостей, прекращает развитие вредных клеток в мозге и поощряет рост полезных”. История браузера. Я ещё раз глянул на условия.

Пишут, мол, работа не пыльная, всё объяснят на месте, роль статическая, совсем не кинематическая. Платят десять тыщ за два часа труда. Плюс добраться до туда времени – полчаса. Время я тоже считаю, потому что оно стóит денег. Вы тоже так поступайте в жизни, к оплате своего труда прибавляйте время. Ну, считай, подработка на вечер приятная, можно себе на сумму этих денег конфеток в карман насыпать, а то и пойти в кино на легендарный фильм “Проклятие Орангутанга 3”. А можно и всё вместе сделать, и останется тыщ девять. Я бы на эти самые деньги приобрёл бы себе вещь величественную, но непрезентабельную: шкуру кабана. А что? Я с детства о такой мечтал. Так вот, я натяну на себя эту шкуру кабана, когда куплю её себе на девять тысяч рублей в ближайшем магазине шкур, и буду в ней ходить по улице, а прохожие будут думать, что я – кабан. Я ещё стану хрюкать как кабан, и тогда уж точно меня за никого другого не примут.

Я слышал, что в некоторых странах – странное дело – ввели совершенно необыкновенную систему расчётов. Повсеместно: в банках, в магазинах, в кино. Вот, например, в нашей стране – в России, то бишь, если у тебя была тысяча рублей, ты идёшь себе в магазин, там продавщица угрюмая, ты ей протягиваешь бумажку, которая неизвестно где побывала до этого момента, – скажем, двести рублей. Она даёт тебе сдачи восемьсот, правильно? А на остальные двести варит тебе дряннейший кофе. А ты потом этим кофе давишься, а девушке сказать стыдно, что он плохой получился. И идёшь недовольный домой, и плюёшься по дороге. Каждый плевок отбивает ритм – тик-так, тик-так, а времени всё меньше и меньше. А вот в Шотландии, например, уже по-другому давно придумали. Вот там-то как раз толково придумали, для людей. Там если тысячу даёшь продавщице – она улыбается, светится так, и ладно что светится – ещё две тыщи сдачей даёт. Ты, такой, смотришь на неё недоумённо: “А как? А почему? А вы, наверное, то! А вы, наверное, это!”, а она: “Да ничего, ничего!” – и улыбается, улыбается! И потом поворачивается и кофе варит. И ты с этого кофе потом не плюёшься, нет-нет! Вот и результат: кофе и две тыщи. А была одна. И ей хорошо, и мне. А у нас о людях не думают, поэтому так не сделали до сих пор. Большое упущение. А у нас такого не делают. Но почему я горжусь именно нашей страной, так это потому, что у нас делают самые замечательные шкуры кабана из отборных кабанов, и купить их можно в любом магазине, хоть в “Восьмёрочке”, хоть в “Девяточке”.

Проснулся я немножко помятый. Потом ещё раз проснулся. Какой кошмар – уснуть на работе, когда все уже ушли! Это ж надо было умудриться! Недопустимая ситуация, гадкая, достойная отчаяния. Ну, я не отчаялся. На одном мониторе, как и прежде, был открыт недоурешенный пасьянс. На другом – неотвеченное письмо. Я почесал затылок и ответил компьютерному собеседнику: “Я согласен, куда ехать?”

Мне скинули точку почти моментально. Я ещё тогда подумал: “Странное дело, среди ночи так быстро отвечают. У них и по ночам работники сидят? Вот олухи! Или это какой-то робот сидит и джипитит на все вопросы?” Я ему тогда написал что-то вроде: “Спасибо большое, теперь помощи, пожалуйста, написать мне обход бинарного дерева в ширину на СИ”. Но в ответ

последовала тишина, хотя две галочки явно были немymi свидетелями того, что мой выпад был кем-то прочитан. Может, кем-то живым, а может, что просто роботом.

Задал координаты в программу. У меня на телефоне была такая программа, у неё было интереснейшее название: “Напиши координаты, и я тебя поведу по дорогам твоего города в место, в которое ты пожелал идти”. Программа делала ровно то, как называлась, и мне это приносило сумасшедшее удовольствие, потому что остальные программы по названию мало согласовывались со своей реальной сутью. Компас – не компасировал, а всего лишь показывал направление на север, калькулятор – не калькулировал, а просто-напросто считал, и так далее, и тому подобное... Я удалил почти что все программы со своего телефона, потому что меня раздражало, что они не выполняют свои прямые функции. Я, откровенно говоря, нахожу странным и нелепым подобный подход разработчиков. Что за шутки такие?

Умоляю, простите меня, ради всего святого! Невзначай отвлекся. Да, как там было? Задал координаты, понимаешь, в программу. Программа мне и говорит своим компьютерным голосом: “Сначала, путник, покинь помещение, в котором ты стесняешься”. Я вышел из офиса, потом вернулся, надел своё драное пальто и гейские сапожки, потом снова вышел с офиса. Погода стояла обычная, но немножко пасмурная, но из-за того, что было темно, я почти что ничего не видел. И эта невидимость погоды напоминала мне то, как мне ничего не видно. Ладно, ладно, может, я лукавлю: виден был фонарь, была видна лужа, в которой он отражается, а ещё виднелись деревья, редкие автомобили, мчавшие по шоссе, а также виднелись окошки ближайших ко мне домов, которые то зажигались, то погасали. Я не знал, сколько сейчас времени. У меня нет часов. Даже часы на телефоне я удалил, потому что они не часали, а показывали время, сволочи.

В часах мне не хватало особенной функции, если меня слышат создатели часов, пускай обязательно её введут. Сейчас часами можно время только измерять, а ведь иногда этого бывает недостаточно. Иногда хочется перемещаться во времени в прошлое или будущее, и тогда часы помочь никак не могут. Уважаемые часовщики, введите такую функцию, и я буду вам благодарен по самый что ни на есть гроб!

Так вот. Я не договорил. Вот, я выхожу, иду по известному маршруту. Офисы не сказать, что стояли на окраине, совсем наоборот – были в центре, а дело происходило в Москве, так вот, если вы помните, кто в Москве-то бывал, помните, наверно, что есть большущий такой бизнес-центр “Кукушка” на Охотном ряду. Ну вот там-то ваш покорный слуга и работал. Работа не пыльная: в девять пришёл, пасьянс разложил, в час сходил на обед, в два – вернулся, и, понимаешь, дальше как пойдёт. Что я имею в виду? В том смысле, что с обеда как вернулся, не факт, что захочется ещё раз пасьянсы раскладывать. Занятие это далеко не интересное. А иногда, понимаешь, можно и разложить. Ну, я по этому вопросу сильно не заморачивался – сел, разложил, всё – свободен. И в шесть, по старой традиции, собрал чумоданы и – фить – токмо пятки сверкат. Я ж сотрудник прилежный, самый что ни на есть, что там таить. А вообще-то все так работают, я не третий – лишний.

Ну так вот, о чём я. Дело было так. Вышел я из своей конуры, которую обыватель называл своеобразным и совершенно бессмысленным словом “офис”. Слово-то из Америки к нам пришло. А, ну да. Вышел я из офиса и, получается, пошёл куда глаза глядят. В телефон вообще даже не смотрел – а какой толк? У меня там кроме настроек и вибратора ни одного приложения не осталось! Я всё поудалял к чертям собачьим! Поэтому и шёл себе спокойно. Прохожие меня не напрягали. Время было позднее, все по домам уже сидели, пили чай или просто-напросто по наивности своей спали, даже не подозревая, кто сейчас вышел из офиса “Кукушка” на Охотном. А ведь это был я, я, мать его! И шёл я куда хотел, потому что ни одного приложения, которое показывало бы мне путь, у меня не было. Мне никогда, повторяюсь, никогда в жизни не было нужно такое дурацкое приложение! Почему это телефон, тем более сотовый, должен говорить мне, куда идти? Я что, клоун? Или я собака? Или я старый пропеллер?

Вы, видимо, спросите меня: как же я тогда шёл, проще говоря, шествовал? А шёл я очень себе просто: значит, когда выходишь из бизнес-центра “Кукушка” на Охотном, то первое, что ты лицезрешь, видишь то бишь, так это улицу Охотный ряд. Вот автобусная остановка, вот многополосное шоссе, напротив – здание, широченное такое, как пропеллер. Здесь не надо переходить никуда, сразу поворачиваешь направо и идёшь себе, идёшь. Вот какое-то широченное распустье. Слева и справа – парковки. Переходишь дорогу, и тут – глядь! Памятник Карлу Марксу, а налево, ещё интересней – Большой театр. Гордость города. И фонтаны, фонтаны! А если перейти сейчас дорогу и посмотреть поближе... Сейчас, минуточку... Дождусь зелёного...

И...

Вот, сейчас, ещё где-то минуточку идти...

Вот, смотрите. Видите – буквы? Вот здесь, слева? “В здании театра в 1918-1922...” Сука, неразборчиво! Испоганили всю табличку! Я ж вот только на днях здесь был, нормальная была табличка, и буквы золотые. Собаки. Золотые буквы, а написано там было что-то вроде “Здесь на пленуме состоялось последнее выступление Ленина”. Вот, что там было написано. И, что характерно, приложение, которое всё пыталось меня отвлечь своим противным голосом, указывало, что идти следует именно туда.

Всякий человек, гулявший по Москве, видел эту табличку на Большом театре не единожды. Но мало кто знал, что если взяться аккуратно за её левый край и резко, со всей силы, потянуть её на себя, то она откроется, как дверца холодильника, и в неё можно будет запросто залезть. Я так и сделал, потому что именно такой инструкции меня просил следовать рекрутёр. Там был длинный-длинный переход, чёрный, как ночь. Ну я, естественно, не дурак, фонарик с телефона я удалил, поэтому посветить не мог. А что же я, собственно, мог? Только залезть вовнутрь, как просил рекрутёр. Ну, я и залез, и тут дверца-то и захлопнулась. С таким звуком: бум! И наступила полная чернота.

Буратино проснулся рано. Надо было заскочить в Театр по паре вопросов в бюро важных вопросов. Надел носки, прошёл на кухню. Там сидел Папа Карло и снова чего-то строгал.

– Папа Карло, – зевнул Буратино, – ты чайник кипятил?

Тот медленно, по-отечески поднял на него взгляд.

– Мой маленький Буратино, – протяжно начал печальный итальянец с грузинским акцентом, – разве ты забыл, что тебе говорил твой старик-отец? Тебе ведь нельзя пить горячую воду, а тем более кипячёную, ведь это может испортить дерево, из которого ты, славный мой сынок, состоишь. А ведь, к тому же, у нас сроду чайника дома не водилось.

Буратино немного опечалился.

– Ладно, – грустно отвечал Буратино, деревяннейший мальчишка с широкой душой, – я тогда на работу поехал.

– Сильно не задерживайся, – бранился старый Карло, – не забывай: вечером в нашем пригороде случаются страшные вещи.

– Я помню.

Буратино надел всю остальную одежду, которая ему полагалась по совести. Взял рюкзачок, закинул за свою деревянную спину и пошагал к выходу из квартиры. Надел свои деревянные башмачки, спустился на лифте. Лифт в их доме был очень старый и сильно скрипел во время езды. Спуск был бесплатный, а подъём стоил пять сум. Потом он вышел из подъезда и побрёл в сторону станции. Идти в сторону станции ему следовало минут двадцать, но он мог, при желании, поехать и на автобусе. Тогда бы дорога заняла меньше времени.

В голове у себя Буратино напевал заглавную тему “Картинок с выставки” Мусоргского, потому что по дороге на станцию он видел такую картину: всюду был выставлен мусор. Потому что скоро должен был приехать мусоровоз и этот самый мусор увезти прочь. Но он его всё не вывозил, это продолжалось неделями, месяцами... Впоследствии выяснилось, что причина

этой безалаберности оказалась прозаичней некуда: последний мусорщик взял себе и, понимаешь, сдох. Да-да, просто-напросто умер в собственной квартире, никого не предупредил, а мог бы? Но ведь никто бы не решился занять его место? Мусорщик – профессия позорная. Именно поэтому никто мусор не убирал, а просто выставлял его. Вот такая была картина.

Девушку Буратино звали то ли Альбина, то ли Мальвина – он не особо помнил, потому что память у него была деревянная, более того, деревянным был его мозг и органы в целом. Она, эта женщина, проживала в Кукольном городке, поэтому Буратино регулярно приходилось приезжать туда из Пригорода, чтобы с ней повидаться. В такие моменты Буратино про себя думал, что он – это колёса, движущиеся колёса, он принимал себя за купе Studebaker или Starlight 1952 года выпуска, и мчался, мчался на собственных ножках, которые на ходу превращались в деревянные подшипники, не предавая значения окружению, он – был скоростью, а точнее – колёсами купе. Он называл это у себя в голове так называемой “имитацией изменения скорости при перемещении в пространстве и времени”. А знаете, кто с ним в этот момент торговался? Да-да, во время перемещения со скоростью? Да никто! Потому что никакой торговец за таким хитрыжкой скоростным не преуспеет! Хоть морду целуй! И в таком скоростном темпе Буратино добрался до станции, а вот ждать электричку пришлось в реальном времени, потому что они, то бишь, электрические поезда, эту технологию ускорения не знали.

Мальвина (или Альбина, я не помню) тоже страдала провалами в памяти, как и её супруг, хотя и была довольно красивой голубоволосой девушкой, хотя и с низкой социальной ответственностью, но Буратино было неизвестно об этом обстоятельстве, поэтому оно его не беспокоило. Буратино в принципе мало что беспокоило, потому что он принимал жёсткие рецептурные успокоительные, а однажды он перепутал успокоительные с противозачаточными, но это ни на что в его жизни не повлияло, потому что он принял очень маленькую дозу. А вот успокоительные он принимал в лошадиных дозах и, что не менее важно, в лошадиных гранулах (это когда берут лошадиную голову, выскребают содержимое и начиняют его лекарством), поэтому всегда был спокоен и молчалив, но только до тех пор, пока эффект не ослаблялся. Ослабление эффекта приводило к тому, что ему вновь хотелось увидеться с Альбиной, чтобы она успокоила его своим немым присутствием. Вечерами они любили сидеть на балконе в её небольшом загородном домике а-ля-французская классика и пить зелёный чай с малиновым вареньем. Варенье они варили из малины, которая росла прямо рядом с этим домиком, в саду. Сад Альбины был совмещён с огородом, что-то типа сада-огорода (не путать с садо-мазо). Это я к чему. Буратино, бывало, приезжал к Альбине в гости, чтобы помочь ей прополоть грядки, выкопать картошку, немного повозиться с тепличными томатами и тому подобное. В общем, помочь по хозяйству. А Альбина его в ответ целовала и благодарила иными способами. Например, ей был знаком контакт одного земского врача неподалёку, который за бутылку самогона выписывал для Буратино очередной рецептик. В итоге получалось эдакое взаимовыгодное сотрудничество, иными словами, симбиоз.

Симбиоз, симбиоз.
В улье и в жужжании ос.
На плотине у бобра
И у белки из дупла.
Буратино помогает
В огороде у Альбины,
И она за это дело
Обращается к врачу.
Врач берёт бутылкой спирта,
И взамен этой расплате
Соглашается запросто

Выписать один рецепт.
Буратино с тем рецептом
Ходит в земскую аптеку,
Где всегда приобретает
Очень нужный препарат,
И под действием лекарства
Снова едет он к Мальвине,
Чтоб помочь ей в огороде
Прополоть ещё гряды.
Так и в жизни нашей с вами,
Ножик тупится о камень,
Камень накрывают тканью,
Ткань разрежется ножом.

Значит, вот он сел. Точнее, остался стоять в тамбуре (или как он на свой особенный деревенский-деревянный манер выговаривал – таНбуре), потому что электричка, как всегда, была переполнена куклами, от которых дурно пахло, как, впрочем, и от многих других вещей в этом городке. Правда, многое в этом городе так пахло. Милиции на них нет, да и нет вообще. Тут ему на мобильник позвонили. Он еле-еле сунул руку в карман, чтоб достать его – толпа сильно сковывала его движения, ему было тяжело. Определитель номера показывал – звонил его старый знакомый Чиполлино.

– Алло? – Буратино поднёс трубку к своему деревянному уху.

– [неразборчиво]

– Что? – крикнул он. – Я в электричке еду, говори громче!

– Буратино! Деревянное ты [неразборчиво]

– Слушай, я не понимаю ни единого слова. Напиши мне через интерфакс, а то ты только голос сорвёшь.

В трубке прозвучали гудки (несмотря на то, что сотовые телефоны не издают гудки при завершении разговора). Как назло, Буратино обнаружил, что интерфакс в электричке не ловил. Пришлось ждать прибытия на старый вокзал.

Вокзал был самый обыкновенный. Разве что раньше с платформы было ровно два выхода, а теперь стал один. Сплошные неудобства. В час-пик не пробиться. Благо, поставили турникеты, и маргиналов в электровагончиках стало заметно меньше, паче чаяния. Хотя и хватало. Мечты Буратино не облагались налогами, а потому он часто мечтал. Мечты его доходили до абсурда. Абсурд его приводил к новым мечтам. Кольцо мечты-абсурда не прерывалось. Ой, едрить, я снова отвлёкся.

Ну, это... Буратино выходит себе такой, понимаешь, из электрички. Совершенно нормальный тип. Внимания на него никто не обращал, потому что... Потому что он был очень невзрачный. В смысле внешности, поведенческих, каких-то отличительных черт этот молодой парнишка был совершенно обыкновенной деревянной куклой на шарнирах. Не более того. Я даже скажу больше: пускай вас не одолевают иллюзии, что он был единственной куклой-буратино в городе. Были и другие. А как же? Был маленький Буратино, был огромный, гигантский Буратино, был Буратино-футболист, Буратино-эквилибрист. Наш герой был Буратино-шпрыхшталмейстер. Но я ведь с ума сойду каждый раз выговаривать это неприятное слово? Я обещаю вам: я буду рассказывать только про настоящего Буратино, и ссылаться на него как "Буратино", и никак иначе, чтоб вас не путать. Но вы всё равно имейте в виду, что они бывают очень всякие. Я уверен, что среди нас, людей, и даже не смейте хохотать! тоже бывают свои Буратино. Деревянные, длинноносые, но всё такие же озорные. Просто нам их следует обнаруживать и сажать

в тюрьму. А в кукольном городке – пушай себе поживают, добра наживают! Сво-ло-та! И не забывайте про известный лимонад “Буратино”, который с моим героем не связан никак.

А вы знаете, как некоторые куклы произносили слова? Некоторые куклы слова не произносили, потому что у них не было рта. А у кого был рот – говорили по-русски. Ну, то есть, они утверждали, что говорят на “кукольном языке”, но фактически русский от кукольного не отличался ничем, кроме системы счёта (об этом – позже). Но как следовало поступать немым? Им же тоже нужно было коммуницировать. Например, в банке, в магазине, в кафетерии “Огонёк”. Просто напроосто разговаривать друг с другом – естественная кукольная необходимость. Использовать в качестве средства общения письменность или язык жестов было затруднительно, потому что у многих кукол, особенно сшитых из носков, не было рук. Письмо не напишешь, кукиш не покажешь. Что оставалось? Верно. Телепатия. Немые куклы изобрели телепатию и общались с помощью неё. Поэтому всего в кукольном городке было два языка: русский (кукольный) и телепатический. А любой, кто знал и тот, и другой, считался не только билингом, но и полиглотом. Но знаете, что я нахожу действительно странным? Куклы ведь были знакомы и с другими языками, например, некоторые вывески и названия брендов были на английском, французском, но при этом не было ни одной куклы, которая говорила бы на таком языке. Ладно, не буду таить, всё-таки была одна кукла, которая знала ещё венгерский язык. Но как её звали – я забыл.

Телевизор в кукольном городе почти что никто не смотрел, потому что реклама там дошла до крайней степени злости и какой-то неискренности, что ли. Скажем, из серии “Наши кубики самые вкусные (Сербия)”:

*Постоянный вой в доме, в квартире, на кухне,
Преследует, преследует.
Есть ли средство, которое поможет и домохозяйке?
Ну конечно!
РЕ – КЛА – МА -
ЦЕ – ТОН!
Рекламацетон – это исключительный выбор ©*

Или что-то из похожего, например:
*Вам не нравится старая квартира. Вы хотите уехать из города.
Тогда и такое средство в наличии:
СЕ – Р – У – О – ЧАЙ!
Серуочай – это исключительный выбор ©*

Думаю, вам предельно ясно, какая была основная претензия потребителей. И, что характерно: чем меньше куклы смотрели телевизор, тем больше показывали по нему такой рекламы. В интерфаксе было такого не найти.

Ладно, ладно. Может, я немножко слухавил, когда сказал вам, будто между кукольным интерфаксом и нашим интернетом нет никакой прослойки. Всё-таки, надо ведь было нанимать в Театр новых актёров, которыми могли быть только лишь люди? Был один метод. Заклучался он вот в чём. Осуществление устойчивого, безопасного и контролируемого трансграничного взаимодействия между двумя фундаментально разнородными и архитектурно-антагонистическими цифровыми экосистемами – с одной стороны, изолированным, семантически замкнутым, протоколно-регламентированным и строго нормативно регулируемым сегментом информационной инфраструктуры, условно обозначаемым как «кукольная сеть Интерфакс», а с другой – глобальной, децентрализованной, топологически нестационарной, полиморфной и полипротокольной сетевой экосистемой, идентифицируемой как «чело-

веческая сеть Интернет» – представляет собой чрезвычайно сложную системно-инженерную задачу, требующую разработки и внедрения многоуровневой, гетерогенной, метауправляемой и когнитивно-адаптивной архитектуры межсетевого взаимодействия, функционирующей на пересечении парадигм информационной безопасности, сетевой топологии, семантической логики, протокольной трансляции и политико-управленческого контроля. Хрен тебе, а не инструкция. Кукольная сеть Интерфакс, как объект анализа, представляет собой высокорегулируемую, топологически детерминированную и логически консервативную информационную среду, в которой маршрутизация данных осуществляется по заранее заданным, жёстко фиксированным и предварительно верифицированным траекториям, а набор разрешённых коммуникационных протоколов ограничен строгими регламентами, определяемыми внутренними политиками безопасности, нормативными требованиями и национальными стандартами.

Скажите, вам действительно интересно слушать про интерфакс? Мне он известен не понаслышке, а потому я предупрежу, что сеть эта *не-ин-те-рес-на-я*. Ни слушать о ней, ни читать – неинтересно никому. И вам не следует. Пропустите пару страниц и продолжите чтение со слова “Лопата”, если вам жалко своё время.

Эта сеть обладает свойствами семантической замкнутости, что означает невозможность интерпретации внешних данных без предварительной нормализации, декодирования и проверки на соответствие внутренним онтологическим моделям. Все субъекты и объекты доступа подвергаются многоэтапной верификации, включающей биометрическую, криптографическую и контекстную аутентификацию, а также динамический мониторинг поведенческих паттернов с целью предотвращения компрометации идентичности и несанкционированного доступа. Структура сети построена на принципах минимальной поверхности атаки, максимальной изоляции и строгого соблюдения принципа наименьших привилегий, что делает её устойчивой к внешним воздействиям, но одновременно – крайне уязвимой к разрыву совместимости при попытках интеграции с внешними системами. Хрен тебе, а не инструкция. Напротив, глобальная человеческая экосистема Интернет характеризуется децентрализованной архитектурой, отсутствием единого управляющего центра, высокой топологической динамикой, полиморфизмом протокольных стеков и неопределённостью семантики передаваемых данных. В этой среде доминируют открытые стандарты, асимметричные маршруты доставки, множественные уровни абстракции и высокая степень полипротокольной совместимости, что позволяет обеспечивать масштабируемость и функциональную гибкость, однако одновременно создает значительные вызовы в части обеспечения конфиденциальности, целостности и аутентичности информации. Соединение этих двух экосистем требует не просто технической интеграции, но создания метаархитектуры, способной выполнять стратифицированную трансляцию данных на всех семи уровнях модели OSI, включая адаптивную нормализацию синтаксических и семантических конструкций, полипараллельную инспекцию трафика с применением методов машинного обучения и нейросетевого анализа, а также семантическую ретрансляцию, обеспечивающую преобразование смысловых контекстов в соответствии с внутренними онтологиями кукольной сети. Хрен тебе, а не инструкция. Центральным элементом такой архитектуры выступает специализированный мультиагентный шлюзовой комплекс, функционирующий в режиме полного или частичного проксирования, оснащённый модулями глубокой пакетной инспекции (DPI), позволяющими не только анализировать структуру трафика на уровне приложений, но и реконструировать поведенческие модели пользователей, выявлять скрытые каналы передачи данных и детектировать попытки обхода фильтрации. Данный шлюзовой комплекс интегрирован с системами динамического анализа поведения (Behavioural Analysis Engine), которые на основе непрерывного мониторинга и статистического профилирования трафика способны идентифицировать аномальные паттерны, характерные для атак типа zero-day, АРТ-кампаний или скрытого экспорта данных. Механизмы контекстно-зависимой фильтрации, основанные на политике принудительного Я прерву это

наблюдение, чтобы напомнить, что Буратино был наблюдательным. (Mandatory Access Control) и дискреционного (Discretionary Access Control) доступа, обеспечивают многоуровневую проверку прав субъектов на взаимодействие с объектами, с учётом временных, географических, ролевых и семантических параметров. Особое внимание уделяется модулям семантического декодирования и реинжиниринга протокольных стеков, которые позволяют не только транслировать проприетарные протоколы кукольной сети в стандартные TCP/IP-стеки, но и адаптировать сессионную идентификацию, реконструировать заголовки пакетов, эмулировать целевые узлы и виртуализировать сетевые интерфейсы, тем самым создавая иллюзию прямого подключения к внутренней сети при сохранении полного контроля над передаваемыми данными. Хрен тебе, а не инструкция. На более высоком уровне архитектуры функционирует централизованная система политического управления (Policy Enforcement Point), Приди же, о, земная ямка! которая выступает в качестве единого координирующего узла, обеспечивающего согласованное применение правил безопасности, маршрутизации, аутентификации и аудита. Эта система интегрирована с платформой безопасности и событийного мониторинга (SIEM), позволяющей в реальном времени коррелировать события, выявлять инциденты, строить предиктивные модели угроз и инициировать автоматические реакции, такие как блокировка сессий, изменение политик доступа или изоляция компонентов системы. Для защиты передаваемых данных используются многоуровневые механизмы криптографического шифрования, включающие TLS на уровне приложений, IPsec и MACsec на транспортном и канальном уровнях, а также протоколы постквантовой криптографии для обеспечения устойчивости к будущим атакам на основе квантовых вычислений. Дополнительно реализуются модули динамической ретрансляции DNS-запросов, предотвращающие утечку информации через DNS-туннелирование, системы управления списками доступа (ACL), обеспечивающие гранулярный контроль на уровне IP, портов и приложений, а также технологии виртуальных туннелей (GRE, L2TP, WireGuard, OpenVPN), позволяющие создавать защищённые логические каналы передачи данных. При необходимости применяются SD-WAN-решения Простите, снова прерву напоминание. Буратино имел... склонность к наблюдению? и программно-определяемые сети (SDN), обеспечивающие гибкую сегментацию трафика, приоритизацию критических потоков и динамическую перестройку сетевой топологии в ответ на изменения условий внешней среды. Хрен тебе, а не инструкция. В совокупности все эти компоненты формируют многоуровневый, отказоустойчивый, самонастраивающийся и адаптивно-реагирующий гибридный интерфейс, способный не только поддерживать устойчивое и контролируемое информационное соединение между двумя принципиально разнородными цифровыми экосистемами, но и обеспечивать непрерывный мониторинг, логирование, корреляцию событий, прогнозирование угроз и автоматическое реагирование на инциденты. Такой интерфейс минимизирует риски нарушения режима информационной изоляции, сохраняет целостность внутренней среды кукольной сети и обеспечивает соответствие многочисленным международным, национальным и корпоративным стандартам кибербезопасности, включая, но не ограничиваясь: ISO/IEC 27001 (информационная безопасность), NIST SP 800-53 (федеральные стандарты США), ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001 (российские нормы), PCI DSS (защита платёжных данных), KGOST (кукольное законодательство) HIPAA (медицинская конфиденциальность), а также отраслевым директивам, такими как GDPR, NIS2, и национальным законодательствам в сфере защиты персональных данных и критической информационной инфраструктуры. Хрен тебе, а не инструкция. Кроме того, архитектура предусматривает возможность интеграции с внешними системами управления угрозами (Threat Intelligence Platforms), платформами цифровой идентификации (Identity Governance), системами управления уязвимостями (Vulnerability Management) и платформами автоматизации реагирования на инциденты (SOAR), что позволяет формировать замкнутый цикл безопасности: от обнаружения до реагирования и адаптации. В условиях повышенной угрозной среды и стратегической необходимости поддержания баланса между функциональ-

ной открытостью и информационной суверенностью, данная система становится не столько техническим решением, сколько стратегическим инструментом обеспечения цифрового суверенитета, устойчивости и доверия в условиях гибридных угроз, кибершпионажа, информационной войны и растущей сложности цифрового ландшафта. *Лоната*. Но инструкция была знаете, у кого? Она была у Чиполлино. Потому-то он и звонил Буратино в тот самый момент. А знаете, у кого ещё была инструкция? У Дьявола, который в тайне от других и передал инструкцию Чиполлино.

Это было прошлой осенью, когда в кукольном городке закончились живые люди. Дьявол явился во сне Чиполлино, и рассказал ему, как сообщения из интерфакса передавать в интернет. Чиполлино всё тщательно записал, как проснулся. Метод, который предложил Дьявол, который позже прозвали “трёхэтапная трассировка”, оказался очень даже работоспособным. Но я вам его не расскажу, чтобы вы кукол не донимали своими дебильными вопросами. У них – своя жизнь, у вас – своя, не надо их донимать билингвальным вашим общением!

Двор-светильник,
Двор-рубильник,
Двор-рубильник-и-светильник,
Сядь под стол, подлезь под него,
Сядь, подлезь ты, сядь, подлезь.
Под столом да под столом,
Под двором да под двором.

(Очередное народное творчество? Нет! Это мнемонический способ запомнить порядок подключения к интерфаксу из интернета. И нет, в самом деле садиться под стол и подлезать под него – не нужно, это метафора. Кибернетические стихи.)

Ну, что я вам ещё могу рассказать про известную кукольную сеть интерфакс? В ней почти что ничего не было. Почти не было никаких сайтов, не было мессенджеров, в общем – она почти никому не была нужна, и все по привычке пользовались телевизором. А интерфакс, что ж... всего лишь остался непонятной игрушкой для обладателей персональных компьютеров, которая быстро вышла из моды. Так же быстро, как появилась в домах жителей того самого городишки, о котором я всё твержу и твержу. Скажите, вы не устали? Может, вам уже неинтересно слушать про этот городок?

– Да нет, почему же. Я же пишу. Вы, главное, рассказывайте, что ж там дальше было.

– Простите. Я иногда сильно отвлекаюсь.

– А вы не отвлекайтесь. Сдерживайте себя. Будьте разумнее в своих словах. Вы знаете, я ведь когда-то так же начинал, как и вы. Часто сбивался. А потом – ничего себе, привык. Так что продолжайте. Будет вам тренировка.

– Ну да. Так, на чём же я остановился?

Что ж, Буратино, как ему приводится, приезжает в Театр. А там его встречает недовольный Чиполлино, и взгляд у него был, скажем, противный. Такой взгляд случался у Чиполлино всякий раз, когда его подпирали на парковке какие-нибудь негодяи, или когда ему приходилось сотрудничать с безответственными сотрудниками. Слова, которые выходили из его уст, тоже были какие-то странные и непонятные. Ладно, понятные. Если вы сможете прочитать дальнейший текст, то более чем (излюбленный приём маркетологов: более, чем музыка, более, чем тариф, и, в конце концов, более, чем...) понятные.

– Твою мать, ты где носишься, деревянная ты голова и плечи! – озлобленно воскликнул Чиполлино. – Мы вчера договорились о чём?

– О чём? – искренне удивился Буратино. – Вчера мы отыграли пьесу и я пошёл домой. Мы ни о чём не договаривались. Да, точно, у меня и не записано ничего в моём дневничке, –

Буратино открыл свой небольшой блокнот и показал его собеседнику, – вот, видишь? А ты сам прекрасно знаешь, что я веду записи по любому поводу, даже мало-мальскому.

Чиполлино чуть ли не взрывался от ярости. А Чиполлино было противопоказано взрываться, если учесть его внутренний состав.

– Сука, ты конченный имбецил? Ты мудака? Ты реально что ли не помнишь?

Буратино стоял, как аршин проглотил, но искренне не понимал, за что так сильно его отчитывает старший товарищ.

– Чиполлино, во-первых, успокойся. Во-вторых, объясни всё последовательно. Ругань здесь ни к чему. В твоей речи она была ни к чему никогда, старый ты сапожник. В самом деле, ругаться тебе – грешно!

Чиполлино выдохнул. Досчитал в голове до десяти.

– Я тебе звоню с самого утра. Ты трубку не берёшь. Какого хрена?

– Я ж говорил, я в электричке ехал, у меня связи не было. И интерфакс тоже не ловил.

– А ты не мог мне этого сказать?

– Я и говорил! Говорил! Христос мне свидетель.

Чиполлино немного подуспокоился.

Между всем прочим.

Добрый мой слушатель, вы, надеюсь, меня извините, но я совсем забыл рассказать вам про обоз. Да, точно, про обоз: обоз был, и был он абсолютно шарообразный, среднего размера. Относительно, скажем, среднейшей кибитки или же шалаша пастуха-хитроумца, или даже бедуина. Обоз не имел граней, напомним – поверьте на слово, вверх и вниз, вширь и вглубь – абсолютно шарообразный. Вы, верно, спросите, что ещё можно было сказать про обоз? Ну как же? Обоз был и есть сейчас, и он, в сущности, был той самой объективностью, тем самым пресловутым модус-оптимумом, который содержал меня самого, а также многих других людей, в то самое время, когда меня перемещали из Москвы в кукольный город. Вы ведь не думаете в самом деле, что туда перемещаются моментально, нет, вовсе не так: без модус-оптимума не случается движения, не случается рывка как пространственного, так и временного, и всякий раз, что бывало это и со мной, и с моими соплеменниками, и с вышеназванной Зоей, всех их перемещал обоз. Так он и назывался – обоз, пожалуйста, запомните это название, пока мне не сделалось худо его вам повторять.

Всякий раз во время передвижения обоза была ночь. Немногим ясно, что ночь, как явление, является следствием движения обоза, а не наоборот. Если бы он не двигался каждую ночь, не было бы ночи. Я уже рассказывал, что он был полностью шарообразный, гладкий, без единой шероховатости, трещины? Ни сучка ни задоринки. Размером со среднюю хижину, чтоб в ней помещался человек. А знаете, какое расстояние он проходил? Расстояние, которое луна в ту ночь проходит по небу от своего восхода и до заката. Времени занимало перемещение столько же. Внимательный мой читатель посмеётся: а ведь в разных частях Земли это расстояние и время сильно разнятся! Друзья, добрые мои приятели, это лишь проблема нашего с вами восприятия. Проблема наша, не обоза. Потому что обоз (если вы бы находились в этот момент внутри него, то заметили бы) проходил всегда расстояние равное, и по времени оно всегда занимало для наблюдателя одинаково: ровно один астрономический час. И я, как вы поняли, пребывал в кромешной темноте весь этот час, хотя мне он показался как полчаса. Не берусь говорить за прочих, имевших дело с обозом, но мне показалось так. Может, для Зои прошло сорок минут, а может и нет. Какая вам разница, если её больше нет с нами? Как же вы молоды, читатель! Как вы молоды и юны, как сердце ваше трепетно, как вы сегодня прекрасны в своей своести, свойкости! Будьте же так же блистательны всегда. Будьте так же всегда счастливы и неугомонны, и я желаю ещё, чтоб вас никогда не мучили поносы, и ваших детей, если они у нас в наличии. А ещё я желаю детям вашим, чтобы они выросли не клеветниками, а, напротив,

соперниками клевете. Это, по заверению старших, было бы правильнее. Только, Христа ради, не огорчайте их сильно. Если ребёнка сильно огорчить, его можно этим травмировать.

Что отличает куклу от человека? Конечно, это блестящая душа! У куклы, как известно, душа блестящая, а у человека – матовая. Думайте об этом хотя бы иногда, эксперты утверждают, будто это полезно для нервов.

– Минуту, одну минуту! Извините, что перебиваю, но это важно.

– Что такое?

– Вот вы говорите: обоз. Даже приводите его описание.

– Ну да, да. Обоз.

– Но вы так его описываете, так о нём рассказываете, будто этот обоз... и вправду имел место.

– Да, совершенно так, и я в нём пребывал свой положенный астрономический час.

– Постойте, постойте... Но ведь это невозможно? Как же – Вы – и в обозе?

– Да запросто.

– Я не понимаю.

– По-вашему, я недостаточно подробно описал обоз?

– Да нет, нет, я понял, что он имеет форму шара, что вмещает в себя одного человека, что перемещает в эту вашу “кукольную страну”...

– Заметьте: город. Кукольный город, это принципиально.

– Да пускай хоть кукольную деревню. Я одного не пойму: вы действительно были участником описываемых событий?

– Точно так.

– И в обозе были?

– Был, уважаемый П.

– Тогда продолжайте.

–

С кем только не приходится иметь дело по долгу службы! С шутами, плутами, с мерзавцами. Я вам рассказывал, как мы – люди своего поколения – отличали кукол от живых людей? Очень просто – по душе! У кукол душа блестящая, оно и видно, а у людей – матовая. Глянул на душу – и как открытую книгу читаешь, человек или кукла перед тобой, как открытый модус-оптимум, короче говоря.

Помнится, мне приходилось вам рассказывать, как две блестящие души – Чиполлино и Буратино – снова повидались у Театра. Если вы не возражаете, я продолжу их словесный разговор.

– Простите, одну секунду, милейший, что перебую вас?

– Что ещё, многоуважаемый П.?

– Я всё никак не прекращу думать об обозе. Почему-то в вашем повествовании именно обоз кажется мне самым что ни на есть важным элементом...

– Разве я недостаточно рассказал про обоз, уважаемый П.?

– Меня интересует, например, в каком положении вы пребывали в обозе. То есть, сидя ли, лёжа?

– Хм... Дайте подумать. Наверное, всё-таки, сидя. Или постойте – лёжа? Скажу точнее: полулёжа. А вообще, не помню. Там было очень темно, поэтому я даже вообразить себе повторно этот момент не могу. Может, я там стоял.

– Очень жалко. Такие детали были бы очень кстати. Прошу вас, продолжайте. Ручаюсь вас более не перебивать.

– Да.

Буратино и его... как же его звали-то... А, ну да! И его друг Чиполлино встретились у входа в Театр. Сегодня не было премьеры, да даже и рядового спектакля на сегодня намечено

не было, не было ажиотажа, привычной толпы блестящих душ у входа. Было тихо. Сегодня в Театре был выходной. Но несмотря на это обстоятельство, Чиполлино кличил своего деревянного товарища ослиноголовым, а тому было невдомёк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.